Царица цикад

Брюс Стерлинг

SHOUT
SHARE
IT

- Царица цикад

Царица цикад

Все началось в тот вечер, когда Матка отозвала своих сторожевых псов. Я ходил под псами целых два года. С момента своего дезертирства.

Мое посвящение, мою свободу от псов, собирались отмечать в доме Арвина Кулагина. Кулагин, влиятельный и богатый механист, владел комплексом жилых и производственных помещений на внешнем периметре цилиндрического пригорода.

Он встретил меня в дверях и вместо приветствия протянул мне золотой ингалятор. Шумная вечеринка шла уже полным ходом. По случаю приема нового члена Полиуглеродная лига всегда собиралась в полном составе.

При моем появлении, как это и бывало обычно, собравшиеся одновременно поежились, будто из дверей на миг потянуло ледяным сквозняком. Все из-за псов. Компания вдруг заелозила, голоса зазвучали громче и несколько театрально, в движениях людей как-то сразу проявилась заученная, искусственная элегантность... Каждой отдельной ослепительной улыбки, обращенной в мою сторону, с избытком хватило бы на добрую дюжину агентов службы безопасности.

Улыбка Кулагина тоже была слегка стеклянной:

– Ландау? Большая честь для меня. Добро пожаловать. Вижу, ты принес с собой то, что причитается Матке? – Его острый взгляд многозначительно скользнул по контейнеру, укрепленному на моем бедре.

– Разумеется, – ответил я.

У человека под псами секретов нет. Два года, два долгих года мне пришлось трудиться над тем, что ныне я принес в дар Матке, и каждый мой шаг был зафиксирован, записан на пленку недремлющими псами. Они и теперь продолжали записывать все, что происходило вокруг. Ведь именно для этого они и были созданы специальным бюро Службы безопасности Царицына Кластера – СБ ЦК. Долгих два года они писали на пленку все, происходящее вокруг меня. Все события, все разговоры. Мои и чужие. Все подряд.

– Теперь лига имеет полную возможность взглянуть поближе, – сказал Кулагин, – на тех самых сук, которых мы привыкли облаивать на все корки. – Он игриво подмигнул камере, вмонтированной в морду сторожевого пса, после чего быстро взглянул на часы. – Осталось меньше часа до того, как ты выйдешь из-под псов, Ганс. А затем мы как следует повеселимся. – Он жестом пригласил меня пройти внутрь. –

Свистни роботам, если тебе что-то понадобится.

Жилище Кулагина было просторным и элегантным: классическая отделка и нежный запах цветущих ноготков.

Этот пригород назывался Фрот. Он был излюбленным местом сборищ Полиуглеродной лиги. Кулагин жил на ободе пригорода, что позволяло ему использовать эффект вращения. Центробежная сила обеспечивала ему десятую часть g. Стены помещения были расчерчены полосами, чтобы любой мог понять, где верх, а где низ; повсюду были расставлены такие предметы роскоши, как «диваны», «столы», «стулья» и прочая гравитационная мебель. Потолок был усеян крючьями, с которых свисали излюбленные Кулагиным ноготки: пышные водопады малоприятно пахнущей зелени, утыканные цветами размером с мою голову.

Я прошел в комнату и остановился, зайдя за спинку дивана, чтобы хоть немного замаскировать двух мерзейших тварей, что таскались за мной повсюду. Поманив пальцем одного из кулагинских роботов, я получил от него грушу с выпивкой – хотелось расслабиться после действия ингалятора.

Я наблюдал. Вечеринка распалась на отдельные группы. Около входа – Кулагин со своими ближайшими сподвижниками, невозмутимыми агентами СБ и чиновниками-механистами, членами правлений банков Царицына Кластера. Неподалеку от них группа профессоров и преподавателей из университетского городка Космических метасистем обсуждала узкопрофессиональные вопросы с парой орбитальных инженеров. Под потолком шейперы-дизайнеры, зацепившись за крючья, толковали об изменчивости форм и приспособляемости. Прямо под ними возбужденная чем-то группа «цикад», простых обывателей Царицына Кластера, вращалась в воздухе, напоминая движение огромных колес старинного часового механизма.

В задней части комнаты, обращаясь к толпе слушателей, рассевшихся на стульях с тонкими ножками, ораторствовал Уэллспринг. Я осторожно перепрыгнул через диван и заскользил в ту сторону. Тут же раздалось громкое противное жужжание пропеллеров: псы последовали за мной.

Уэллспринг был самым моим близким другом в Царицыном Кластере. Именно он и склонил меня к дезертирству, когда занимался на Совете Колец закупками льда для проекта по созданию на Марсе плодородных почв. Псы никогда не беспокоили этого человека; его дружеские отношения с Маткой были общеизвестны. Уэллспринг был живой легендой Царицына Кластера.

В тот вечер он собирался на прием к Матке и был одет соответственно. На голове, слегка придавив взъерошенные

темные волосы, сияла платиновая диадема. Свободная блуза из металлической парчи с разрезными рукавами, под ней – нижняя черная блуза, посверкивавшая мелкими блестками. Завершали этот наряд усыпанная драгоценностями юбка в стиле «Инвестор» и высокие, до колен, шнурованные сапоги, плотно облегавшие толстые икры. Неистово мечущаяся бахрома из украшенных драгоценными камнями витых шнуров то и дело приоткрывала массивные бедра Уэллспринга, отлично приспособленные к сильным гравитационным полям: королева-рептилия предпочитала большую силу тяжести. Он был влиятельным и могущественным человеком этот Уэллспринг; никто не знал его уязвимых мест. Если такие и имелись, они могли скрываться только в его прошлом.

Сейчас Уэллспринг вовсю философствовал. Его слушатели, математики и биологи, преподаватели и профессура из университета Космических метасистем Царицына Кластера, поспешно раздвинулись, освобождая место для меня и псов; по их лицам блуждали напряженные, кривые улыбки.

– Вы требуете от меня четких определений? – говорил Уэллспринг, сопровождая свои слова изысканными жестами. – Ну что ж. Под термином «мы» я подразумеваю не только вас, цикад. И даже не все так называемое человечество. В конце концов, ведь и шейперы конструируются на основе генов, запатентованных ре-шейперскими фирмами, не так ли? Строго говоря, вас всех смело можно отнести к категории промышленных артефактов!

Аудитория застонала. Уэллспринг удовлетворенно улыбнулся.

– Механисты, в свою очередь, – продолжал он, – постепенно избавляются от человеческой плоти, предпочитая кибернетические формы существования. Так? Отсюда следует, что мой термин «мы» может и должен быть соотнесен с любой гностической, познавательной метасистемой четвертого уровня сложности по Пригожину.

Профессор-шейпер сунул наконечник ингалятора в раскрашенную ноздрю, затянулся и сказал:

– Не могу с вами согласиться, Уэллспринг. Вся эта невозможная оккультная чепуха насчет уровней сложности уже привела к тому, что порядочная наука в ЦК стоит на краю гибели.

– Типичный образчик примитивной причинно-линейной логики! – парировал Уэллспринг. – Вы, консерваторы, вечно ищете себе точку опоры вне уровней гностической метасистемы. Очевидно, что всякое разумное существо обязано уметь абстрагироваться от любого из нижних уровней пригожинского горизонта событий. Сейчас настало время, когда мы должны

перестать озираться вокруг в поисках твердой почвы под ногами. Нам давно пора научиться ставить в центр событий именно самих себя. А если кому-то нужна точка опоры, то, находясь в центре событий, не следует искать ее под ногами; из окружающего нас множества таких точек мы можем свободно выбрать себе любую!

Уэллспринг сорвал-таки аплодисменты. С видимым удовольствием дослушав их, он продолжил:

– Вы не можете со мной не согласиться Евгений: Царицын Кластер, оказавшись в совершенно новом моральном и интеллектуальном климате, переживает сейчас пору своего расцвета. Непредсказуемость этого процесса, невозможность свести его к сухим цифрам – вот что пугает вас как ученого. Постгуманизм ставит во главу угла не только свободу, но и изменчивость форм; его метафизика достаточно бесстрашна, чтобы охватить своим пониманием весь живой мир именно таким, каков он есть. И именно это понимание позволяет нам осуществлять такой экономически абсурдный проект, как создание среды обитания на Марсе, который вы, со своим псевдопрагматическим складом ума, просто не в состоянии воспринять, не в состоянии даже оценить те неисчислимые выгоды, которые он нам принесет.

– Оставьте ваши семантические куншткюки! – возмущенно фыркнул профессор.

Я видел его впервые и подозревал, что Уэллспринг затащил его сюда исключительно с целью сперва насадить на крючок, а затем подвергнуть публичному избиению.

Лично у меня некоторые аспекты постгуманизма, исповедуемого теперь в ЦК, вызывали самые серьезные сомнения. Впрочем, открытый отказ от поисков каких-либо моральных критериев был сильной стороной этого учения и, безусловно, делал нас более свободными. Глядя на возбужденные, исполненные энтузиазма лица тех, кто слушал Уэллспринга, я невольно сравнивал их с унылыми, бесцветными, деланно бесстрастными физиономиями, некогда окружавшими меня. Я вспомнил давние обманы, хитрость и лукавство... После двадцати четырех лет, проведенных в рамках жесткой дисциплины, установленной в своих владениях Советом Колец, после двух долгих лет под псами, сегодняшнее мое освобождение от этого страшного пресса было подобно взрыву.

Я втянул носом новую порцию фенетиламина – природного амфетамина – и сразу почувствовал легкое головокружение. Мою голову заполнило раскаленное ур-пространство первичного дезиттеровского космоса, готовое в любой момент совершить прыжок Пригожина в нормальный пространственно-временной

континуум на второй пригожинский уровень сложности. Постгуманизм учил людей мыслить в категориях скачков и пароксизмов, в категориях структур, группирующихся вокруг неких уровней, имевших не поддающиеся адекватному описанию очертания. Впервые подобный подход предложил древний земной философ Илья Пригожин. Я начал воспринимать это учение все более непосредственно по мере того, как мое, сперва не слишком сильное, влечение к ослепительной Валерии Корстштадт нарастало и конденсировалось, пока не сколлапсировало в узловатый тугой клубок неистового желания; желания, которое даже самые сильные супрессанты не могли разрушить, а лишь слегка притупляли.

Валерия скользила по комнате. Тяжелые, украшенные драгоценными камнями, витые шнуры бахромы на ее юбке медленно извивались, словно сытые змеи. Она была красива безличной красотой обновленных; лицо ее покрывала искусная, возбуждающая и соблазнительная роспись. Сейчас я хотел ее больше всего на свете. И с самой первой нашей встречи, после первого мимолетного флирта, я знал, что между нами стоят только псы.

Уэллспринг тронул меня за плечо. Пока я стоял, восхищенно глядя на Валерию Корстштадт и изнывая от вожделения, он закончил свои философствования; его, аудитория рассосалась.

– Долго еще, сынок? – спросил он.

Вздрогнув, я автоматически взглянул на наручные часы:

– Осталось всего двадцать минут, Уэллспринг.

– Отлично, сынок. – За Уэллспрингом водилась слабость: он любил пользоваться старинными словечками вроде вот этого «сынок». – Когда псы уберутся, нынешний вечер будет принадлежать только тебе. Я тоже уйду, чтобы не затмевать час твоего торжества. Кроме того, меня ждет Матка. Ты принес с собой то, что ей причитается?

– Ваши пожелания исполнены в точности, – сказал я, отлепил от бедра пластырь, достал из-под него коробочку и передал ее Уэллспрингу.

Он ловко приподнял своими сильными пальцами тугую крышку, заглянул внутрь, помолчал секунду и, громко рассмеявшись, воскликнул:

– Боже! Какая красота!

Затем он резко убрал коробочку в сторону. Дар Матке заблистал в воздухе над нашими головами. То был искусственный самоцвет, размером с детский кулак, грани которого сверкали зеленью и золотом эндолитического лишайника. Драгоценный камень медленно опускался вниз, вращаясь и отбрасывая на наши

лица маленькие цветные зайчики.

Он уже почти упал, как вдруг откуда-то возникший Кулагин подхватил его самыми кончиками растопыренных пальцев. Левый глаз Кулагина, искусственный имплант, блестел от возбуждения.

– Ейте Дзайбацу? – спросил он.

– Да, – ответил я. – Они синтезировали камень. Но сам эндолитический лишайник – моя интеллектуальная собственность. – Я краешком глаза отметил, что вокруг нас уже успела собраться группка зевак, и добавил, повысив голос: – Наш хозяин – истинный ценитель подобных вещей.

– Только с финансовой точки зрения. – Кулагин говорил спокойно, но очень умело подчеркивал тоном важность своих слов. – Теперь я понимаю, почему ты запатентовал процесс на свое имя. Поразительное достижение. Ни один Инвестор не сможет противостоять непреодолимо влекущей к себе силе ожившего камня. Не так ли, друзья? Недалек тот день, когда посвящаемый сегодня новый член нашей лиги будет очень богатым человеком.

При этих словах я быстро взглянул на Уэллспринга, но тот сперва незаметно для остальных приложил палец к губам, а потом громко продолжил:

– И это богатство поможет ему превратить Марс в цветущий сад. Ему и нам. Отныне мы не будем зависеть от чужих прихотей при финансировании нашего проекта. Друзья! Всем нам предстоит пожинать плоды великих достижений Ландау, его новых открытии в области генетики. – Уэллспринг взял самоцвет и спрятал его в коробочку. – Сегодня я буду иметь честь преподнести эту драгоценность в дар Матке. Это для меня даже двойная честь, поскольку есть и моя заслуга в том, что творец этого чуда сегодня с нами!

Он неожиданно рванулся по направлению к выходу; его мощные ноги мелькнули над нашими головами. Вылетая в дверь, Уэллспринг на прощание крикнул:

– Прощай, сынок! И пусть ни один пес отныне никогда не переступит твоего порога!

С уходом Уэллспринга потянулись к выходу те гости, что не входили в Полиуглеродную лигу. Около дверей образовалась толкучка, почти свалка из сплетничающих людей и суетливо подающих им головные уборы роботов. Когда удалился последний из доброжелателей, лига сразу притихла.

Кулагин провел меня в дальний угол своей студии, где члены лиги уже выстроились в два ряда, вооружившись краской и серпантином. Некий запашок застарелой тлеющей вражды и надежды на грядущее отмщение придавал особый, острый

привкус предстоявшему увеселению. Я тоже взял пару баллончиков краски с подноса у подскочившего ко мне шустрого кулагинского робота.

Время мое подошло вплотную. Два долгих года я строил планы, которые позволили бы мне присоединиться к Полиуглеродной лиге. Они были мне нужны. Я чувствовал, они тоже во мне нуждались. Я устал от окружавшей меня подозрительности, устал от натянутой вежливости. Устал жить под стеклянным колпаком, под вечным надзором неусыпных псов. Жесткие рамки режима, которому приходилось подчиняться, теперь рухнули. Слишком внезапно, слишком болезненно. Меня вдруг начало трясти, и я никак не мог унять эту непроизвольную дрожь.

Псы вели себя как ни в чем не бывало, продолжая до самой последней секунды упорно записывать все, что творилось вокруг. Вдруг сборище хором начало скандировать цифры обратного отсчета. Точно при счете ноль оба пса развернулись и направились к дверям. И были встречены настоящим шквалом краски и спутывающихся на лету, прилипающих друг к другу лент серпантина. Секундой раньше псы свирепо набросились бы на своих мучителей и беспощадно с ними расправились. Но не сейчас. Сейчас старая их программа кончилась, и до тех пор, пока не загрузят новую, псы будут почти беспомощны, представляя собой неодушевленную, безответную мишень. С каждым удачным попаданием члены лиги разражались диким хохотом и воплями восторга. Они не знали жалости; прошла почти минута, прежде чем униженные и оскорбленные, полуослепшие от краски и обрывков липкой бумаги псы смогли кое-как, хромая и пошатываясь, добраться до выхода.

Массовая истерия подняла и меня на своей мутной волне. Торжествующие вопли сами собой рвались сквозь стиснутые зубы. Меня пришлось силой удерживать от намерения броситься за псами наружу, чтобы и там продолжить сладостную расправу. Крепкие руки втащили меня обратно в комнату, я повернулся лицом к моим новым друзьям. По моей коже пробежали мурашки, настолько меня потрясло кровожадное выражение, застывшее на десятках лиц. С этих лиц будто содрали кожу. Бешеные глаза, глядевшие на меня из глубины кровоточащих кусков мяса...

Меня подхватили на руки и стали передавать по кругу, от одного к другому. Даже те из них, с кем я был знаком, сейчас казались мне абсолютно чужими. Их руки рвали с меня одежду; напоследок отняли даже компьютерный браслет. Наконец, совершенно голый, я очутился посреди комнаты.

Я стоял в кругу чужаков и дрожал крупной дрожью. Ко мне

приблизился Кулагин. На его лице застыло жесткое, неприступное выражение, маска. Он священнодействовал. В руках он держал охапку черной материи. Когда он одним движением накинул ее мне на голову, я понял, что это капюшон. Он наклонился к моему уху и жарко прошептал:

– Теперь ты отправишься далеко, друг.

Затем Кулагин поправил на мне капюшон и затянул завязки. Материя оказалась чем-то пропитанной: я почувствовал резкий неприятный запах. Руки и ноги стало покалывать. Вскоре они совершенно онемели; по телу постепенно разливалось тяжелое тягучее тепло. Я почти перестал слышать посторонние звуки, почти перестал ощущать пол под ногами. Потом я потерял равновесие и внезапно упал, проваливаясь в бесконечность.

Не могу сказать, открыты были мои глаза или нет, – не знаю. Но я видел. Из глубины тумана, который нельзя описать словами, мне навстречу рвались вспышки холодного, пронзительно яркого света. То была Ночь Великого Катализа, стылая пустота, всегда таящаяся по ту сторону уютной домашней теплоты нашего сознания, пустота безбрежная и безжалостная, пустота более пустая, чем сама смерть.

Обнаженный, я плыл в этом космосе, плыл неизвестно куда; холод был невыносим, я ощущал, как его медленный яд постепенно завладевает каждой мельчайшей клеточкой моего тела. Я ощущал, как бледное слабое тепло, сущность моей жизни, аура, покидает меня, источаясь переливающейся плазмой полярного сияния с кончиков моих бесчувственных пальцев. Я продолжал падать; последние жалкие остатки тепла слабыми толчками уходили из меня, бесследно пропадая во всепожирающей бездне космоса. Тело мое побелело, сделалось жестким, покрылось изморозью, проступившей на коже из каждой поры. Меня охватил беспредельный ужас, ощущение того, что я никогда не умру, а буду вечно падать и падать в эту жуткую непознаваемую бездну, что разум мой будет съеживаться от страшного холода, пока не превратится в одну-единственную, насквозь промороженную спору, не содержащую ничего, кроме страха и одиночества.

Время растянулось и почти остановилось. Длящиеся целую вечность эпохи укладывались между несколькими ударами пульса. Но вот я увидел впереди проблеск, белый пузырь, неясную кляксу света, расщелину, ведущую из этого космоса в другой, в лежащее совсем рядом царство сияющего, но чуждого великолепия. Я взглянул туда, я провалился в это царство, пронесся сквозь, и… оказался внутри самого себя. Резкий, раздражающий переход.

Я пришел в сознание, очутившись на мягком полу кулагинской студии. Капюшона на мне уже не было; одежду мне теперь заменяла свободная мантия, стянутая расшитым узорами поясом. Кулагин и Валерия Корстштадт помогли мне подняться на ноги. Меня покачивало, я не успевал смахивать с ресниц непроизвольно текущие слезы, но я заставил себя стоять, и лига разразилась приветственными возгласами.

Кулагин стоял рядом, обнимал меня, подпирал своим плечом и монотонно шептал:

– Помни о холоде, брат. Когда твоим друзьям необходимо тепло, дай его им; но помни о холоде. Когда наша дружба вдруг причинит тебе боль, прости нас; но помни о холоде. Когда чужая глупость станет вводить тебя в искушение, сумей устоять; но помни о холоде. Ибо ты был далеко и вернулся к нам обновленным. Но помни о холоде, помни. Всегда и везде. Помни о холоде.

Закончив наставление, Кулагин сообщил мне мое новое тайное имя, после чего прижался раскрашенными губами к моей щеке. Я безвольно висел на его плече, мое тело сотрясали рыдания. Приблизившаяся Валерия обняла меня тоже; Кулагин, улыбаясь, высвободился и тихо отплыл в сторону.

Члены лиги, один за другим, брали меня за руки, быстро прижимались губами к моей щеке, бормоча поздравления. Лишившись дара речи, я мог только кивать им в ответ. Тем временем, заняв место Кулагина, моим ухом завладела Валерия Корстштадт. Она жарко зашептала свою женскую молитву:

– Ганс, Ганс! Ганс Ландау! Это не все, Ганс Ландау! Остался еще один ритуал, исполнить который взялась я. Этой ночью во Фроте нам будет принадлежать прекрасная комната, священное место, порог которого никогда не преступит ни один железный кобель со стеклянными глазами. Ганс Ландау, сегодня ночью это великолепное место будет принадлежать нам, нам одним!

Зрачки ее глаз были расширены, под ушами и вдоль скул горели пятна румянца. Она явно находилась под воздействием гормональных половых стимуляторов. Я полной грудью вдохнул легкий сладковатый антисептический запах смешанной с потом косметики; у меня перехватило горло, и я опять задрожал.

Валерия вывела меня в холл. Кулагинская дверь наглухо закрылась за нами, превратив гул продолжавшегося там веселья в слабое неясное бормотание.

Псы остались в прошлом. Два пласта реальности, в которых я раньше существовал по отдельности, теперь оказались склеенными, точно магнитофонная лента. Но чувство ошеломленности не проходило. Валерия взяла меня за руку, и

мы, надев воздушные ласты, отправились по коридору к центру жилого массива. Я механически улыбался попадавшимся нам навстречу цикадам; для меня они были теперь людьми из другой эпохи. Совсем рядом с ними Полиуглеродная лига предавалась неистовой вакханалии, а они продолжали трезво и рассудительно заботиться о хлебе насущном и дне грядущем.

Внутри Фрота ничего не стоило потеряться. Он был задуман и построен как противовес, как овеществленный бунт против жестко зарегламентированной архитектуры других пригородов ЦК. Огромный пустой цилиндр наполнили вспененным пластиком, пузыри которого затем принимали свою окончательную форму, подчиняясь лишь законам топологии и поверхностного натяжения. Внутренние холлы устроили позднее; двери и воздушные люки в скошенных стенах были установлены вручную. Фрот по праву славился своими безумствами и безалаберной гостеприимностью.

Особой славой пользовались приваты – помещения для свиданий и дел интимного толка, не нуждающихся в афишировании. В любовном, щедром и заботливом оборудовании этих убежищ, свободных от какого-либо надзора, гражданский дух ЦК проявлял свои самые сильные стороны. Никогда раньше мне не приходилось бывать ни в одном из таких приватов, ибо есть границы, переступать через которые человеку под псами не дозволяется. Но слухи доходили и до меня. Доходили сплетни: мрачно-похотливое злословие коридоров и баров, обрывки самых разнузданных домыслов, клочки уклончивых разговоров, мгновенно стихавших при появлении псов. Все, все что угодно, могло произойти в привате, но ни одной живой душе, кроме побывавших там любовников да уцелевших участников самых крутых разборок, как ни в чем не бывало возвращавшихся часом позже к обыденной жизни, не дано было знать, что же именно там произошло...

Когда центробежная сила упала почти до нуля, мы поплыли. Валерия спешила, она влекла меня за собой, как на буксире. По мере приближения к оси вращения пузыри Фрота становились все больше; наконец мы оказались в тихом районе, постоянном месте жительства самых богатых.

И вот мы – у самых дверей самого знаменитого из всех приватов, привата «Топаз», молчаливого свидетеля бесчисленных шалостей и проказ элиты ЦК. Ни один из других приватов Фрота не мог сравниться своей изысканностью с «Топазом».

Небрежно смахнув тонкую пленку пота, образовавшуюся на ее шее и раскрасневшемся прекрасном лице, Валерия Корстштадт взглянула на часы. Нам осталось ждать совсем ничего. Вот

раздались сочные и чистые удары электронного гонга, извещавшие нашего предшественника о том, что его время вышло. Дверные запоры автоматически открылись. Я гадал, кто именно из членов весьма узкого круга сильных мира сего выйдет сейчас из привата.

Я теперь не под псами, и мне очень хотелось взглянуть этому человеку в глаза. Взглянуть как равному, смело.

Мы все еще ждали. Уже шло наше время, приват принадлежал нам по праву; каждый потерянный миг больно царапал подсознание. Оставаться в привате после того, как законное время вышло, считалось в ЦК верхом неприличия. Выждав еще пару мгновений, Валерия побледнела от злости и решительно распахнула дверь.

Воздух был полон крови. В невесомости роилось целое облако полусвернувшихся черновато-красных пузырьков.

В самом центре комнаты плавал самоубийца. Его обмякшее тело медленно вращалось в сторону, обратную той, куда еще бил быстро слабеющий фонтан крови из его перерезанного горла. Сведенные последней судорогой пальцы правой руки намертво сжимали сверкающий скальпель. На трупе был надет внешне неброский черный комбинезон консервативного механиста.

Когда тело повернулось еще раз, я разглядел вышитую на груди комбинезона эмблему советника Матки. Его череп, частично металлический, весь был покрыт липкой коркой сворачивающейся крови; ничем не примечательное лицо хранило мрачное выражение; длинная спутанная кровавая бахрома, свисавшая с горла, частично прикрывала это лицо, словно вуаль.

Мы вляпались в какое-то грязное дело, касавшееся лишь высших сфер ЦК.

– Надо немедленно вызвать сюда агентов СБ, – сказал я. В ответ прозвучали всего два слова.

– Не теперь! – решительно отрезала Валерия.

Я заглянул ей в глаза. Они потемнели от нарастающего вожделения. Соблазн, всегда таящийся в запретном, мгновенно запустил в нее свои острые когти. Валерия медленно оттолкнулась от мозаичной стены; длинная лента полузасохшей крови прилипла к ее бедру, натянулась и лопнула.

Приваты – то место, где люди лицом к лицу встречаются с глубинными основами своего бытия, контуры которого становятся размытыми и неясными. В этом странном, исполненном тайного смысла месте наслаждение и смерть порой сливаются в экстазе. Так и для женщины, которой я поклонялся, все когда-либо происходившие в этом помещении церемонии и обряды слились в одну бесконечную череду.

– Скорее, – сказала она низким и хриплым голосом. Я ощутил на ее губах слабый, с горчинкой, привкус половых стимуляторов; наши руки и ноги мгновенно переплелись. Мы неистово совокуплялись, вращаясь в невесомости и искоса наблюдая, как рядом с нами вращается тот, кто до нас совокупился со смертью.

Вот какая была та ночь, когда Матка отозвала своих псов.

Происшедшее потрясло меня до такой степени, что я заболел. Мы, цикады, привыкли жить в духовном пространстве, этически эквивалентном космосу Де Ситтера, где ни одна норма поведения не может считаться законом, если она не является продуктом ничем не обусловленной свободы воли. Каждый пригожинский уровень сложности, в свою очередь, задается самосогласованной производящей функцией: Космос существует потому, что он существует; жизнь зародилась потому, что должна была зародиться; интеллект есть именно потому, что он есть. Такой подход позволял послойно нарастить целую этическую систему вокруг одного-единственного глубоко омерзительного мгновения... Так, во всяком случае, учил постгуманизм.

После моего странного, болезненного совокупления с Валерией Корстштадт я с головой ушел в размышления и в работу.

Я жил во Фроте, там у меня была студия. Не такая, конечно, большая, как кулагинские хоромы, и насквозь провонявшая противными запахами лишайников.

На исходе второго дня моей медитации ко мне явилась с визитом Аркадия Сорьенти, мой товарищ по Полиуглеродной лиге и одна из ближайших подруг Валерии. Даже в отсутствие псов между нами чувствовалась заметная напряженность. Аркадия казалась мне полной противоположностью Валерии: та была темноволосой, а Аркадия – светлой; Валерия обладала холодной элегантностью всех генетически обновленных, Аркадия же была буквально увешана хитроумными приспособлениями механистов. Наконец, Аркадию всегда переполняла какая-то ломкая напускная веселость, а Валерия находилась во власти мягкой, чуть мрачноватой меланхолии.

Я предложил моей гостье грушу с ликером: моя студия находилась слишком близко к оси, поэтому здесь нельзя было пользоваться чашками.

– Никогда еще у тебя не была, – сказала Аркадия. – Мне здесь нравится. А это что за водоросли?

– Это лишайник, – ответил я.

– Очень красивый. Какой-нибудь из твоих особых сортов?

– Они все особые, – сказал я. – Вон там – сорта Марк Третий и Четвертый, предназначенные для марсианского проекта. А там –

сорта, особенно тонко реагирующие на загрязнение; я разработал их для мониторинга окружающей среды. Лишайники вообще очень чувствительны к любым загрязнениям. – Я включил аэроионизатор. В кишечнике механистов кишмя кишат самые невероятные штаммы бактерий, воздействие которых на мои лишайники могло оказаться катастрофическим.

– А где у тебя тот лишайник, который живет в самоцвете Матки?

– Он находится в другом месте, – сказал я, – надежно изолированном. Если лишить его привычной среды, камня, он начинает расти слишком быстро и очень неправильно. Как раковые клетки. К тому же он жутко воняет. – Я неловко улыбнулся. Вонь, вечно исходившая от механистов, была для шейперов дежурной темой. Притчей во языцех. Вот и сейчас мне казалось, что я уже начинаю ощущать резкий неприятный запах пота от подмышек Аркадии.

Она тоже выжала кривую улыбочку и нервно протерла серебристую лицевую панель маленького каплеобразного контейнера с микропроцессором, вживленного в ее предплечье.

– У Валерии очередной приступ депрессии, – сообщила она. – Я подумала, что на тебя тоже бы взглянуть не мешало.

В моем мозгу на секунду вспыхнуло кошмарное видение: влажная кожа наших обнаженных тел, скользкая от крови самоубийцы.

– Да. История была не очень... удачная, – сказал я.

– ЦК буквально гудит от разговоров о смерти контролера, – заметила Аркадия.

– Умер контролер? – поразился я. – Впервые слышу. Я еще не смотрел последние новости.

В глазах Аркадии мелькнуло хитроватое выражение.

– Ты видел его там, – утвердительно сказала она.

Меня неприятно поразило ее явное желание сделать наше с Валерией пребывание в привате предметом разговора.

– У меня много работы, – резко ответил я и, сделав движение ластами, развернулся на девяносто градусов. Теперь мы могли смотреть друг на друга только нелепо вывернув шеи. На мой взгляд, это увеличивало и подчеркивало разделявшую нас социальную дистанцию. Она беззлобно рассмеялась.

– Не будь таким формалистом, Ганс. Ты ведешь себя так, словно все еще находишься под псами. Тебе придется рассказать об этой истории поподробней, если ты хочешь, чтобы я помогла вам обоим. А я хочу помочь. Мне нравится, как вы выглядите вместе. Мне доставляет эстетическое удовольствие смотреть на вас.

– Спасибо за заботу.

– Но я действительно хочу о вас позаботиться. Мне до смерти надоело смотреть, как Валерия виснет на таком старом козле как Уэллспринг.

– Намекаешь, что они – любовники? – поинтересовался я.

– А ведь ты не прочь узнать, что они делают в своем излюбленном привате, да? – Она прищелкнула пальцами, покрытыми металлической чешуей. – Как знать. Может, они просто играют там в шахматы, а? – Ее глаза, полуприкрытые тяжелыми от золотой пудры веками, лениво скосились в мою сторону. – Не надо прикидываться потрясенным, Ганс. Сила и власть Уэллспринга знакомы тебе не хуже, чем остальным. Он богат и стар, а мы, женщины Полиуглеродной лиги, молоды и не слишком обременены принципами. – Аркадия с невинным видом похлопала длинными ресницами. – К тому же никогда не приходилось слышать, чтобы он потребовал от нас хоть что-то такое, чего мы сами не хотели бы ему дать. – Она подплыла поближе ко мне. – Ну же, Ганс! Расскажи-ка мне о том, что тебе пришлось там увидеть. Цикады сами не свои до таких новостей, а Валерия молчит. Молчит и хандрит.

Открыв холодильник, я принялся рыться на его полках, пытаясь отыскать среди чашек Петри еще одну грушу с ликером.

– Сдается мне, что ты втягиваешь меня в этот разговор не по своей воле, Аркадия, – сказал я.

Она некоторое время колебалась, потом рассмеялась и беспечно пожала плечами.

– А ты не лишен здравого смысла, дружок, – сказала она. – Будешь и дальше держать ушки на макушке, далеко пойдешь. – Она достала из закрепленной на лакированном ремешке кобуры красивый ингалятор, затянулась и добавила: – К вопросу об ушках. Да и о глазках тоже. Ты уже почистил свои хоромы от электронных жучков?

– Кому я нужен? Кто меня подслушивает?

– А кто не подслушивает? – Аркадия напустила на себя скучающий вид. – Неважно. Пока я говорила лишь о том, что и так всем известно. Будешь иногда водить меня в приват, узнаешь все остальное. – Она стрельнула из груши струйкой янтарного ликера, дождалась, пока та долетит до ее рта, а затем ловко всосала спиртное сквозь зубы. – В ЦК затевается что-то очень серьезное, Ганс. Простых обывателей это не коснулось. Пока. Но смерть контролера – дурной знак. Остальные советники сейчас трактуют эту смерть как его личное дело, но любому, кто даст себе труд хоть на секунду задуматься, ясно: дело нечисто. Он ведь даже не привел в порядок свои дела. Нет, контролер не просто

устал от жизни – ниточки от его самоубийства ведут прямиком к Матке. Я в этом уверена.

– Не исключено. С возрастом сумасбродства у нее только прибавилось. У тебя его тоже накопилось бы немало, если б тебе пришлось почти всю жизнь провести среди чужаков, согласна? При всем при том я действительно искренне сочувствую нашей Матке. И если ей понадобилось прикончить несколько старых зажравшихся недоносков, чтобы вновь обрести душевное равновесие, что ж, в добрый путь! Если дело только в этом, я могу спать спокойно.

Стараясь сохранить на лице невозмутимое выражение, я лихорадочно обдумывал сказанное Аркадией. В основе всей структуры ЦК лежало отношение нашей Матки к изгнанникам. В течение семидесяти лет нонконформисты всех мастей: правонарушители и оппозиционеры, революционеры и пацифисты, даже пираты – находили себе надежное убежище под сенью ее крыл. Непререкаемый авторитет ее собратьев Инвесторов защищал нас всех от хищных поползновений фашиствующих шейперов и сектантствующих механистов-фундаменталистов. ЦК был настоящим оазисом здравомыслия, окруженным со всех сторон порочной аморальностью непримиримых группировок, на которые была разодрана остальная часть человечества. Пригороды ЦК вращались, соединенные паутиной, в центре которой находился корпус старого корабля, превращенный в сверкающую драгоценными камнями обитель королевы.

Матка была для нас всем. Без нее все наши головокружительные успехи превратились бы в замки, построенные на зыбучем песке. Надежность банков ЦК гарантировалась умопомрачительным богатством Царицы цикад. Хваленая независимость наших академических образовательных центров также была возможной лишь под сенью ее крыл. И так далее.

А ведь мы даже не знали, чем была вызвана ее опала. Ходили разные слухи, но всю правду до конца знали лишь Инвесторы. Если Матка когда-нибудь нас покинет, Царицын Кластер перестанет существовать в ту же самую ночь.

– Мне и раньше приходилось слышать, что она не слишком-то счастлива, – сказал я небрежно. – Такие слухи всегда имеют обыкновение распространяться все шире и шире. А потом очередной раз слегка увеличивается размер доли Матки. Потом стены еще одной залы во дворце отделываются драгоценными камнями. Ну а после слухи как-то сами собой стихают.

– Все так... – не стала спорить Аркадия. – Конечно, Матка, как

и наша дорогая Валерия, – из тех, кто часто подвержен припадкам дурного настроения. И тем не менее. Мне совершенно ясно, что у контролера просто не оставалось никакого другого выхода, кроме самоубийства. А значит, в самом сердце ЦК зреет катастрофа.

– Все это только слухи, – упрямо повторил я. – Кто знает, чем в эту минуту заняты мысли нашей мудрой Царицы?

– Уэллспринг должен знать, – с нажимом сказала Аркадия.

– Но он – не советник, – заметил я. – Формально для круга лиц, действительно близких к Матке, он немногим лучше простого пирата.

– Ты должен немедленно рассказать мне о том, что видел в привате «Топаз»!

– А ты должна дать мне время подумать, – отпарировал я. – Эти воспоминания причиняют мне боль.

Наступило молчание. Я быстро прикидывал в уме, о чем именно следует рассказать Аркадии и чему из рассказанного она захочет поверить. Молчание затягивалось. Тогда я поставил пленку с записями голосов земных морей. В студию ворвался зловещий рев океанского прибоя. Чуждые звуки.

– Я просто оказался совершенно не готов к тому, что произошло, – сказал я наконец. – Меня еще в детском саду учили скрывать свои чувства от посторонних, а тут... Отношение лиги к этому вопросу мне хорошо известно, но такая степень близости с женщиной, с которой я до того едва был знаком, – да если к тому же учесть прочие обстоятельства той ночи... Меня это всерьез ранило, даже оскорбило, Аркадия.

Она вздрогнула, склонила голову на сторону, болезненно поморщилась и спросила:

– Кто композитор?

– Что? – не понял я сперва. – Какой композитор? Ах, это... Просто запись шума. Звуки моря. Земного моря. Этой записи уже лет двести.

Аркадия посмотрела на меня как-то странно:

– Послушай, тебя по-настоящему захватывают только явления планетарного масштаба, да? «Звуки моря». Надо же.

– Когда-нибудь на Марсе тоже будут моря. Ведь именно в этом суть нашего проекта, верно? – отпарировал я.

Аркадия слегка смутилась.

– Конечно, – сказала она, – для того мы и работаем. Но это вовсе не означает, что мы сами будем там жить. Я имею в виду, немало воды утечет, прежде чем проект будет завершен. И даже если мы с тобой доживем до тех времен, мы станем совершенно другими людьми. Нет, только подумать: добровольно влезть в гравитационный капкан! Одна мысль о такой возможности до

смерти меня пугает.

– Но я вовсе не рассматриваю эту проблему с утилитарной точки зрения: кому где жить. Надо научиться глядеть на нашу деятельность шире. И более абстрактно. Гностицизм, действующая сила познания четвертого пригожинского уровня, должен будет инспирировать пригожинский скачок третьего уровня. А в результате – на голую, девственно-чистую основу пространства-времени будет привнесена новая жизнь! Понимаешь?

Но Аркадия в ответ только жалобно потрясла головой и устремилась к выходу.

– Мне очень жаль, Ганс, – сказала она, – но эти звуки... они проникают внутрь меня, будоражат мою кровь... – Она вдруг задрожала; крупные бисерины, вплетенные в ее длинные белокурые волосы, отозвались громким стаккато. – Нет, это в самом деле невыносимо!

– Сейчас я выключу запись, – сказал я.

Но Аркадия уже была у дверей.

– Прощай, Ганс, прощай! – помахала она мне рукой. – Скоро увидимся.

Аркадия исчезла за дверью. А я вновь погрузился в свое одиночество.

В студии гремел неумолчный шум прибоя – стонущего, ревущего, остервенело грызущего несуществующие берега.

Один из кулагинских роботов встретил меня у порога и принял мою шляпу. Сам Кулагин сидел за рабочим столом в углу своей насквозь провонявшей цветами студии, просматривал бегущие по экрану дисплея биржевые котировки ценных бумаг и диктовал в микрофон, закрепленный на наручном браслете, какие-то приказы. Когда робот объявил о моем приходе, Кулагин отсоединил от браслета разъем идущего от консоли кабеля, встал из-за стола и дружески потряс мою руку.

– Добро пожаловать, друг, – радушно сказал он, – добро пожаловать!

– Надеюсь, не очень помешал?

– Что ты! Совсем нет. Играешь на бирже?

– Слегка, – сказал я. – Ничего серьезного. Может быть, позже... Когда ко мне начнут поступать отчисления с Ейте Дзайбацу.

– Тогда позволь мне чуть-чуть расширить твой кругозор заранее, – сказал Кулагин. – Каждый истинный постгуманист просто обязан иметь самый широкий круг интересов. Пододвинь стул и садись, если ты не против.

Я послушно примостился рядом с Кулагиным, который

немедленно уселся на прежнее место и снова подключился к консоли. Он был стопроцентным механистом, но содержал свое тело и свою студию в строжайшей чистоте. Мне он нравился.

– Забавно, насколько быстро все финансовые учреждения начинают заниматься совсем не тем, для чего они предназначались первоначально, – сказал он, не оборачиваясь. – Вот, например, биржа. Она в каком-то смысле совершила пригожинский скачок. На фасаде обозначено: «Биржа – инструмент, способствующий коммерции». А на деле за этим красивым фасадом вовсю идет грязная игра. Тайные соглашения. Продажа конфиденциальной информации. И так далее. Мы, цикады, выросли на слухах и сплетнях, ими питаемся, не можем без них жить; а потому биржа – точное отображение того самого духа времени, которым мы все пропитаны насквозь.

– Да, – отозвался я. – Конечно. Безнравственность, вычурность, манерность, самодовольство. И ничего путного в основе.

Кулагин приподнял свои выщипанные брови.

– Да, мой юный друг, – насмешливо согласился он, – совершенно верно. Точно так же, как нет ничего путного в основе Великого Космоса. Каждый следующий уровень сложности свободно парит над предыдущим, поддерживаемый одними лишь абстракциями. Даже так называемые законы природы – не более чем наша жалкая попытка распространить свое видение за пригожинский событийный горизонт... Ну а если ты предпочитаешь более примитивные метафоры – пожалуйста. Биржу можно смело сравнить с океаном информации, по которому разбросано несколько маленьких островков. Эти островки – акции с надежным, устойчивым курсом – последняя надежда на спасение для усталого пловца. А теперь посмотри сюда.

Он легко пробежался пальцами по клавиатуре; вспыхнула трехмерная картинка.

– Сейчас перед тобой – голографический срез биржевой активности за последние сорок восемь часов, – сказал Кулагин. – Похоже на океанские валы, не правда ли? А вот здесь – самое настоящее цунами, гигантский объем заключенных сделок. – Он ткнул в экран световым пером, вживленным в кончик его указательного пальца; заштрихованная область мигнула, изменив свой цвет с зеленого на красный. – Это произошло, как только просочились первые слухи о лестероиде.

– О чем, о чем?

– О ледяном астероиде. Кто-то купил эту ледяную гору у Совета Колец и теперь выводит ее из гравитационной ловушки

колец Сатурна. Кто-то очень умный, поскольку гора пройдет очень близко, всего в нескольких тысячах километров от Царицына Кластера. Достаточно близко, чтобы ее можно было наблюдать невооруженным глазом.

– Ты хочешь сказать, что кому-то действительно удалось это сделать? – спросил я, не веря своим ушам, раздираемый самыми противоречивыми чувствами.

– Слухи дошли до меня через третьи, пятые, а может, и десятые руки. Но все параметры в точности совпадают с теми, которые были рассчитаны инженерами из Полиуглеродной лиги. Совпадает масса льда, совпадают размеры – более трех километров в поперечнике; совпадает конечная цель – равнина Эллада к югу от марсианского экватора. Скорость – шестьдесят пять километров в секунду; само столкновение ожидается четырнадцатого апреля, в 20:14:53 по мировому времени. А по местному, я имею в виду марсианское, лестероид упадет на рассвете.

– До этого еще столько времени, – нетерпеливо сказал я. – Ждать и ждать.

– Послушай, Ганс, – ухмыльнулся Кулагин, – не суетись. Такую махину голыми руками с места не сдвинешь. Но это – лишь первая ласточка. Потом их будет еще не одна дюжина. А то, что происходит сейчас, – не более чем чисто символический жест.

– Значит, нам скоро придется перебираться туда! На орбиту Марса!

– Ну нет, Ганс. – Кулагин был полон скепсиса. – Такая работа – для роботов я других автоматов. Может быть, позже потребуется несколько жестких, крутых парней, пионеров по складу характера. Но лично для себя я не вижу причин, по которым мне пришлось бы пожертвовать уютом и привычным комфортом ЦК.

– Неужели ты действительно хочешь остаться здесь? – Я вскочил со стула, непроизвольно стискивая кулаки. – И пропустить момент пригожинского катализа?

Кулагин, слегка нахмурившись, посмотрел на меня снизу вверх.

– Остынь, Ганс. Остынь и сядь. Очень скоро начнут набирать добровольцев. И если ты действительно собираешься направиться к Марсу, думаю, это будет совсем нетрудно устроить. Важнее другое. Слишком уж сильно подействовало сообщение о лестероиде на биржу. Ее уже начало лихорадить сразу после смерти контролера. А теперь, похоже, на крючок попалась куда более крупная рыба, которую кто-то упорно тащит наверх. На съедение. Я уже три дня внимательно слежу за его действиями. В надежде поживиться объедками с праздничного стола, так

сказать... Не хочешь воспользоваться ингалятором?

– Благодарю, не сейчас.

Кулагин покачал головой и втянул носом хорошую порцию стимулятора. Никогда прежде я не видел его нераскрашенного лица.

– У меня нет того интуитивного ощущения массовой психологии, которое доступно вам, шейперам. – сказал он наконец. – Поэтому приходится иметь хорошую, очень хорошую память... Первый раз мне довелось наблюдать нечто похожее тринадцать лет назад. Кто-то распространил слух, что наша Царица пытается покинуть ЦК, а советники удерживают ее силой. И что же? В итоге разразился биржевой крах сорок первого года. Но настоящее сведение счетов с неугодными последовало позже, во время возрождения биржи. Я тут снова просмотрел пленки с записями времен краха и, сдается мне, разглядел хвост, плавники и оч-чень острые зубы одного старого приятеля. Трудно было не узнать его по повадкам. Не скользкое вероломство шейпера. И не холодная упорная хватка механиста.

Обдумав услышанное, я сделал однозначный вывод:

– Тогда ты говоришь об Уэллспринге.

Возраст Уэллспринга не знал никто. Но ему наверняка давно перевалило за двести. Сам он утверждал, что родился на Земле, на заре Космической Эры; потом был в числе основателей первого поколения независимых космических колоний, так называемой Цепи. И уж точно он был в числе основателей Царицына Кластера, а после того, как Матка впала в немилость у своих собратьев Инвесторов, он участвовал в строительстве ее теперешней обители.

– Отлично, Ганс, – улыбнулся Кулагин. – Ты прав. Может, ты и замшел слегка среди своих лишайников, но вокруг пальца тебя не обведешь. Да. Я полагаю, именно Уэллспринг состряпал крах сорок первого года. Причем состряпал из ничего, в своих личных интересах.

– Но ведь он ведет весьма умеренный образ жизни, – возразил было я.

– Ну и что? Будучи старинным другом Царицы, он имел самые широкие возможности запустить нужные ему слухи. Более того, именно он семьдесят лет назад разрабатывал концепцию биржи и знал ее как свои пять пальцев. А Космические метасистемы? Департамент, занимающийся проектом преобразования Марса? Он ведь возник сразу после возрождения биржи! Конечно же – тайные дотации, конечно – анонимное спонсирование.

– Но ведь денежные поступления шли тогда со всех концов

системы, – снова возразил я. – Тогда практически все секты и группировки на словах соглашались с тем, что проект освоения Марса – самое грандиозное и самое нужное предприятие в истории человечества.

– А я и не спорю. Хотя меня лично немного удивляет, с чего бы эта прекрасная идея так быстро и так широко распространилась? И еще: кто остался в выигрыше? Послушай, Ганс. Я искренне люблю Уэллспринга. Он действительно мой лучший друг. И я помню о холоде. Но ты должен четко осознать, какую гигантскую аномалию он из себя представляет. Он – не один из нас. Он даже родился не в Космосе.

Кулагин немного прищурился и внимательно посмотрел на меня. Но я никак не отреагировал на употребленный им термин «родился», весьма оскорбительный для шейперов. Ибо в первую очередь я был членом Полиуглеродной лиги, а во вторую – цикадой. В третью и четвертую очередь я был никем, и только в пятую – шейпером.

По губам Кулагина скользнула короткая одобрительная улыбка.

– Будь уверен, – сказал он, – у Уэллспринга имеется немало имплантированных устройств, продлевающих его жизнь и характерных для всех механистов. Но в целом он не настоящий мех. Скорее – наш живой предтеча. Я буду в числе последних, кто станет отрицать шейперские таланты, но в определенном смысле эти таланты развиты искусственно. Они проявляются во всей красе, когда надо пройти тесты на проверку КИ, согласен. Но вам порой недостает неких... ну, что ли, первичных качеств, которыми в полной мере обладает Уэллспринг. Точно так же и мы, механисты. Мы можем использовать кибернетические моды мышления, но нам недостает неких первичных качеств, которые только одни и могут сделать машину машиной... А Уэллспринг – один из тех людей, которые гораздо дальше всех остальных могут пройти по лезвию бритвы. Он – один из тех титанов, которые рождаются раз в столетие. А то и реже. Подумай сам, что стало с остальными его ровесниками?

– Большинству из них пришлось стать мехами, – кивнул я.

Кулагин слегка наклонил голову, вглядываясь в экран.

– Я родился здесь, в ЦК, – сказал он, – и о первых механистах мне известно немногое. Но я знаю наверняка, что большинство из них умерло. Они старели, не находили себе места в жизни, были совершенно не подготовлены к столкновению с будущим. Это быстро подводило их к краю. Самоубийства в основном. Большая часть первых попыток удлинить жизнь также заканчивалась самым плачевным образом... Но Уэллспринг благополучно

прошел и через это; вероятно его хранил природный дар. А теперь задумайся, Ганс. Вот мы сидим с тобой здесь. Оба – порождение технологий столь высоких, что они раскололи надвое саму социальную структуру общества. Мы торгуем с пришельцами. Мы можем даже проголосовать у обочины и сесть на попутный корабль к звездам, было бы чем заплатить Инвесторам за дорогу. Ну а Уэллспрингу не только удалось сохранить себя в точности таким, каким он был пару столетий назад, так нет же, он еще и правит нами. А ведь мы даже не знаем, каково его настоящее имя.

Пока Кулагин переключал консоль и просматривал свежую информацию с биржи, я напряженно размышлял над его словами. Мне было нехорошо. Можно научиться скрывать свои чувства, но избавиться от них нельзя.

– Ты прав, – сказал я наконец, – но все равно я ему доверяю.

– Я тоже. Но при этом отдаю себе отчет, что все мы, словно дети, полностью находимся в его власти. Пока что он просто тихонько покачивает нашу люльку. Оказывает протекцию. Проект по созданию среды обитания на Марсе со страшной скоростью пожирает мегаватт за мегаваттом. Говорят, взносы на проект специально сделаны анонимными, чтобы ни одна из группировок не могла использовать их в целях саморекламы. Но лично я считаю эту анонимность прикрытием того простого факта, что подавляющее большинство дотаций исходит прямиком от Уэллспринга. Подумай сам: биржевой крах неминуем, он может разразиться в любую минуту. Затем Уэллспринг еще разок шевельнется в своей берлоге, и мы увидим новое возрождение биржи. И каждый киловатт полученных им прибылей поступит на марсианский проект.

Я молчал, слегка наклонившись вперед и переплетя пальцы рук на колене; Кулагин быстро диктовал в микрофон длинные ряды цифр: отдавал распоряжения по продаже акций. Молчание становилось тягостным. И тут я рассмеялся.

Кулагин оторвал взгляд от экрана.

– Ни разу еще не слышал, как ты смеешься, – сказал он. – Над чем?

– Просто вдруг подумал... Ты открыл мне немало полезного. Но я-то, я ведь просто заглянул к тебе поговорить о Валерии.

Лицо Кулагина сразу постарело, сделалось печальным.

– Послушай, Ганс, – сказал он. – Ту малость, которая мне известна о женщинах, и в микроскоп-то толком не разглядишь. Зато память у меня, как я уже говорил, превосходная. Шейперы крупно промахнулись, доведя дело до крайности. В прошлом веке Совет Колец попытался пробить «интеллектуальный барьер» – создать людей с КИ, превышающим двести. Большей частью так

называемые сверхспособные посходили с ума, дезертировали либо вцепились друг другу в глотки. Некоторые из них умудрились проделать и то, и другое, и третье одновременно. Десятки лет с той поры прошло, но на этих людей и по сей день охотятся наемники и пираты.

Одна небольшая группа этих сверхспособных каким-то образом узнала, что здесь живет в изгнании Матка Инвесторов, и они решили укрыться под ее защитой. Некто – попробуй угадать, кто именно, – посоветовал Матке оказать им покровительство, если они согласятся ежегодно выплачивать определенный налог. Теперь этот налог называется долей Царицы, а поселение беглецов с тех пор сильно разрослось и носит имя Царицын Кластер. Родители Валерии – да не морщись ты, именно родители, ведь она была выношена в утробе матери – были из тех, первых сверхспособных. Поэтому у нее нет базового образования, обязательного для шейперов: она приняла посвящение, когда ей уже было сто сорок пять лет или около того.

Ее главная проблема – периодическое изменение настроения. Это у Валерии с детства; оба ее родителя страдали тем же недугом. Она опасная женщина, Ганс. Очень опасная. Для тебя, для себя, для всех нас. На самом деле ее место – под псами. Я предлагал своим друзьям из СБ поместить ее под строжайший надзор, но некто опять встал на моем пути. Ну-ка, с трех раз угадай, кто именно?

– Но я люблю ее. А она не хочет со мной разговаривать.

– Я так понимаю, что последнее время она под завязку накачана супрессантами. Скорее всего, этим и объясняется ее упорное молчание… Послушайся моего совета, Ганс; даю его тебе от чистого сердца. Есть такая очень старая поговорка: никогда не лезь в приват с человеком, еще более сумасшедшим, чем ты сам. Не обижайся на меня, но это очень хороший совет, Ганс. Ты не должен доверять Валерии.

Я собрался было что-то сказать, но Кулагин поднял руку, призывая меня к молчанию.

– Слушай дальше, – сказал он. – Ты молод, ты только что освободился из-под псов. Эта женщина околдовала тебя, и немудрено: знаменитое очарование шейперов свойственно ей в полной мере. Но связь с Валерией – это связь с пятью женщинами одновременно, причем три из них давным-давно свихнулись. В наши дни ЦК битком набит красивейшими за всю историю человечества женщинами. Конечно, ты пока слегка неуклюж; да вдобавок – чересчур одержим своей работой… Но в тебе есть очарование юности, еще не растерявшей своих идеалов; есть яркость и накал страсти, присущие шейперам; есть даже некий

привлекательный фанатизм, если ты не в обиде на меня за этот термин. Расслабься слегка, Ганс! Найди себе такую женщину, которая сумеет тебя немного пообтесать. Будь более открытым, почаще вступай в споры. Это совсем неплохой способ найти себе в лиге новых друзей.

– Обязательно приму к сведению все, что ты мне сказал, – пробормотал я.

– О да, разумеется. – Кулагин иронически улыбнулся. – Я был с самого начала уверен, что зря трачу порох. Не стоило и пытаться замутить чистый родник твоих чувств. К тому же трагическая первая любовь может послужить тебе бесценным уроком, даже принести немалую пользу. Потом. Лет эдак через пятьдесят. Или через сто. – Он снова переключил свое внимание на экран. – Все же я рад, что у нас состоялся этот разговор, Ганс. И я надеюсь, ты не забудешь сюда заглянуть, когда с Ейте Дзайбацу начнет поступать твой гонорар. Мы тогда неплохо повеселимся.

– Жду не дождусь, – сказал я, хотя уже наверняка знал, что каждый киловатт гонорара, не потраченный на мои собственные исследования, будет уходить – разумеется, анонимно – в фонд марсианского проекта. – И не беспокойся, я совсем на тебя не в обиде за твои советы. Просто я никак не могу ими воспользоваться.

– Молодость, молодость... – пробормотал Кулагин.

Я вышел.

Я вновь вернулся в свою студию, к строгой и суровой красоте лишайников. Долгие годы я учился правильному обращению с ними, но их подлинное значение открылось мне лишь после посвящения в таинства постгуманизма. Только сквозь призму основной философии ЦК мне удалось разглядеть, что истинное место моих лишайников – совсем рядом с точкой катализа знаменитого пригожинского скачка, того самого скачка, который привносит в этот мир новую жизнь.

А еще лишайники можно было рассматривать как развернутую метафору Полиуглеродной лиги: грибки и водоросли, извечные соперники в борьбе за место под солнцем, сумели объединиться в симбиозе, позволившем им достигнуть того совершенства, которое порознь было бы для них невозможно. Точно так же и лига сумела объединить механистов и шейперов – для того, чтобы на Марсе расцвела новая жизнь.

Я знал, что многим моя одержимость одной идеей казалась странной, даже нездоровой. Но их слепота мало меня задевала. Даже названия полученных мною новых генотипов звучали по-королевски величественно: Алектория черная, Мастодия

мозаичная, Окролехия холодная, Стереокаулон альпийский... Да, они выглядели скромно, мои лишайники, но в них таилась великая мощь. Невзрачные порождения ледяных пустынь, чьи корни и выделяемые этими корнями кислоты одни только и были способны сокрушить твердыню голых, промороженных вечным холодом скал.

Мои кюветы с агар-агаром были теми резервуарами, где кипела и бурлила сама первобытная жизненная сила. Зелено-золотой волной пройдут мои лишайники по поверхности Марса, зелено-золотой приливной волной жизни. Сметая на своем пути все препятствия, они выползут из сырых кратеров, образовавшихся после падения лестероидов, и начнут размножаться, быстро и неуклонно, среди неистовства штормов и землетрясений, которыми будет сопровождаться преобразование марсианской поверхности. У смертоносных потоков, образованных таянием вечной мерзлоты, почерпнут они новую жизненную силу и покроют Марс сплошным ковром. Изливая в атмосферу реки кислорода. Связывая в почве азот.

Они куда лучше иных людей, мои лишайники. Они не занимаются показухой; они не трубят на весь свет о своих благих намерениях, не кричат заранее о неминуемой сокрушительной победе над холодом. Да, они – лучшие из лучших, ибо молчат и делают.

За годы, проведенные под псами, я познал истинную цену молчания. И теперь меня мутило при одной мысли о том, что за мной установлен негласный надзор. Как только с Ейте Дзайбацу начал поступать мой гонорар, я вошел в контакт с одной из частных охранных фирм, чтобы они очистили мою студию от жучков. Они обнаружили четыре штуки.

После этого я нанял вторую фирму, чтобы ее люди сняли жучки, установленные первой фирмой. Пристегнувшись ремнем к плавающему в воздухе лабораторному столу, я вновь и вновь разглядывал эти подсматривающие и подслушивающие устройства. Небольшие плоские видеоплаты, прикрытые с одной стороны камуфлирующей полимерной пленкой. На черном рынке они должны были потянуть немалую цену.

Я позвонил на почту и заказал робокурьера, чтобы переправить жучки к Кулагину. В ожидании курьера я отключил жучки и упаковал их в контейнер с мощной биозащитой, а затем продиктовал коротенькое послание, в котором просил Кулагина продать эту электронику, а на вырученные деньги купить акции на шатающейся и спотыкающейся бирже. Покупателей на бирже сейчас было раз-два и обчелся.

Услышав дробный стук в дверь, я открыл ее с помощью

дистанционного устройства. Но в дверь, шумно жужжа пропеллером, влетел вовсе не курьер. То был громадный сторожевой пес.

– Заберу-ка я у тебя эту коробочку, если не возражаешь, – сказал он.

Я глядел на него во все глаза, будто впервые видел сторожевого пса. Тонкие, но мощные манипуляторы высовывались из корпуса, покрытого пластинами черного пластика, которые соединялись друг с другом серебряными швами. Непомерно большая голова щетинилась пружинными усыпляющими дротиками; угрожающе торчали кургузые дула для стрельбы ловчей паутиной. Установленная на хвосте вращающаяся антенна ясно показывала, что псом управляют дистанционно.

Я поспешно развернул лабораторный стол так, чтобы он оказался между мною и псом.

– Понятно. Значит, система моей компьютерной связи прослушивалась так же, как и все остальное, – сказал я. – Скажешь, где установлены ваши поганые штучки, или же мне самому разобрать свой компьютер на части?

– Много на себя берешь, ты, нытик задрипанный, – ответил на это пес. – Ты что думаешь, жалкий твой гонорар позволит тебе из-под нас выйти? Да ты и глазом не успеешь моргнуть, как я продам тебя на свободном рынке!

Я задумался. Такие случаи бывали. Советникам Матки не раз случалось арестовывать беспокойных, мешающих им людей, которых они потом выставляли на продажу. Вне Царицына Кластера существовало немало группировок, готовых заплатить неплохую цену за тех, на кого они давно охотились. Я знал, что Совет Колец с радостью меня выкупит, чтобы затем устроить показательное судилище.

– Значит, ты утверждаешь, что ты – один из советников Матки?

– Кто же еще! Думаешь, мы спим и ничего не видим? Все знают, что ты дружишь с Уэллспрингом! – Вновь зажужжал пропеллер: пес подобрался ко мне поближе; видеокамеры, выступавшие из его глазниц, едва слышно пощелкивали. – Что у тебя в холодильнике?

– Кюветы с лишайниками, – сказал я бесстрастно. – И тебе это отлично известно.

– Открой его!

– Ты выходишь за пределы нормального функционирования, – заметил я, не двигаясь с места. Эта фраза должна была бы поставить на место любого механиста. – У моей

лиги есть друзья среди советников. И я не сделал ничего плохого.

– Открой немедленно, или я спеленаю тебя паутиной, а псу прикажу вскрыть эту жестянку самому!

– Ты врешь! – сказал я. – Никакой ты не советник. Ты – индустриальный шпион, пытающийся украсть мой лишайник, живущий в самоцветах. Зачем советнику лазать по чужим холодильникам?

– Открывай! Иначе ты слишком крепко увязнешь в таких вещах, о которых не имеешь ни малейшего понятия.

– Ты проник в мое жилище под фальшивым предлогом, а теперь угрожаешь мне. – Я повысил голос: – Убирайся! Или я вызову СБ.

Хромированные челюсти пса громко лязгнули. Изогнувшись, я скатился с лабораторного стола, но тонковолокнистый сноп белых шелковистых нитей, вылетевший из лицевого дула пса, все же опутал меня, как я ни старался увернуться. Нити прилипли к одежде и вмиг затвердели, полностью блокировав руки в той позе, которую я принял, инстинктивно пытаясь защититься от ловчей паутины. Второй шелковистый сноп сковал мои ноги как раз в тот момент, когда я пытался оттолкнуться от наклонной стены.

– Смутьян, – проворчал пес. – Если бы не мерзкое словоблудие шейперов, все шло б как по маслу. В нашем распоряжении были надежнейшие банки, у нас была Матка, у нас была биржа, было все остальное... А от вас, паразитов, никакого толку, кроме бесплодных фантазий. И теперь вся система трещит по швам. Все валится в тартарары. Все. Мне придется тебя прикончить.

Я жадно ловил воздух ртом, затвердевшая паутина сдавила грудь и почти не давала дышать.

– Банки – это не жизнь, – прохрипел я из последних сил. – Банки – это нежить.

Заскулили на высокой ноте двигатели: пес расправлял свои суставчатые манипуляторы.

– Если я найду в холодильнике то, что думаю там найти, – прорычал он, – считай себя покойником! – Пес рванулся было к холодильнику, но внезапно замер на полдороге. Взвыли пропеллеры, развернувшие его головой к двери.

Щелкнул замок, дверь начала скользить в сторону; через образовавшееся отверстие внутрь просунулся массивный манипулятор, вооруженный острыми когтями.

Сторожевой пес быстро метнул паутину, скольжение прекратилось. Спустя секунду дверь отвратительно завизжала и стала коробиться. Толстый металл, из которого она была сделана,

порвался, словно фольга. Сквозь пролом, хрустя обрывками металла, просунулась пучеглазая голова тигра, а затем – когтистые передние лапы.

– Измена! – взревел тигр.

Пес с раболепным видом быстро отработал пропеллерами назад. Тем временем тигр целиком протиснулся в студию. Рваные металлические края не оставили на его броне ни царапины. Весь закованный в черную с золотом броню, тигр вдвое превосходил размерами сторожевого пса.

– Подожди! – проскулил пес.

– Совет предупреждал тебя не совершать противоправных действий, – тяжко прорычал тигр. – Я лично предупреждал тебя неоднократно.

– У меня не было другого выбора, координатор! Ты знаешь, чьи это козни. Он натравливает нас друг на друга. Неужели ты не видишь!

– Теперь у тебя остался только один выбор, советник. И ты его сделал. Ты выбрал приват!

Пес как-то нерешительно подогнул манипуляторы.

– Значит, мне предназначено стать вторым, – пробормотал он. – Сперва контролер, а теперь пришла моя очередь... Что ж, очень хорошо. Очень хорошо. Он таки подловил меня. И я не могу отомстить. – Похоже, пес готовился к стремительному броску. – Но зато я могу прикончить его любимчика! – взвыл он.

Телескопические пружины его манипуляторов резко щелкнули, манипуляторы ударили в стену, и он рванулся вперед, нацелившись на мое горло. Полыхнула ослепительная вспышка, едко запахло озоном, и туша пса стремительно врезалась в мою грудь. Он был мертв, все его электрические цепи выжгло дотла. В студии погас свет. Из-под корпуса моего домашнего компьютера вырвались маленькие дрожащие язычки пламени, он осел, завалившись набок. Пропала многодневная работа: мощный электромагнитный импульс, испущенный тигром, погубил все мои программы и базу данных.

На голове тигра, похожей на луковицу, открылись заслонки, оттуда выдвинулись и зажглись две фары.

– У тебя были какие-нибудь имплантанты? – спросил он.

– Нет, – сказал я. – Слава Богу, никаких кибер-частей. Я в полном порядке. Ты спас мне жизнь.

– Закрой глаза, – скомандовал тигр. Он обдал меня из своих ноздрей облачком растворителя, после чего осторожно содрал когтями остатки ловчей паутины вместе с прилипшей к ним одеждой. Мой электронный браслет тоже полностью вышел из строя.

– Здесь не замышлялось никаких преступлений, координатор, – сказал я. – Я люблю Царицын Кластер.

– Мы живем в странное время, – прогрохотал тигр. – Наши повседневные дела приходят в упадок. Сейчас никто не может быть вне подозрений. Вы выбрали самый неудачный момент для того, чтобы устроить себе подобие домашнего привата, молодой человек.

– Я все делал открыто, ни от кого не таясь.

– Здесь никто не имеет права поступать по своему усмотрению, цикада. Только с благословения Матки. Одевайся. Тигр доставит тебя во дворец. Я хочу с тобой поговорить.

Дворец был одним гигантским приватом. Приходилось только гадать, суждено ли мне выбраться оттуда живым. Но выбора у меня не было.

Я тщательно оделся под присмотром пучеглазого тигра, а затем взгромоздился на его спину. От него несло застарелой смазкой. Наверное, он не один десяток лет провалялся на складе. Свободно разгуливающих тигров в ЦК давным-давно никто не встречал.

Холлы были переполнены цикадами, деловито сновавшими туда-сюда по своим делам. При приближении тигра они бросались врассыпную, охваченные страхом и благоговением.

Мы покинули Фрот через выход в торце цилиндра, откуда начинались туннели дорог, связывающих пригороды друг с другом. Такие прозрачные полиуглеродные трубопроводы образовывали повисшую между цилиндрами пригородов неряшливую паутину. Вид этих гигантских сооружений, сверкающих теплыми огнями на бархатно-ледяном фоне Космоса и звезд, вызвал у меня приступ головокружения. Я помнил о холоде.

Мы миновали узловатое утолщение этой паутины, вздутие, под которым скрывалось пересечение нескольких трубопроводов и где прилепилось придорожное бистро, одно из самых известных в ЦК. Оживленная болтовня его пестрых завсегдатаев при нашем приближении сменилась ошеломленным молчанием, которое взорвалось нестройным хором встревоженных голосов, как только я верхом на тигре важно прошествовал мимо. Подобные новости распространяются по всему ЦК в течение нескольких минут.

Дворец имитировал форму межзвездного корабля Инвесторов: октаэдр с шестью прямоугольными гранями. Но полированная наружная часть корпуса у настоящих кораблей Инвесторов всегда была инкрустирована чеканкой на самые фантастические сюжеты, а внешняя поверхность дворца была тускло-черной и шероховатой, под стать неизвестным нам

прегрешениям Матки. С течением времени дворец разрастался за счет космических взлетно-посадочных комплексов, правительственных учреждений и множества тайных убежищ самой Матки. Он раздался во все стороны и казался чересчур грузным, но его тяжеловесный корпус вращался с головокружительной скоростью.

Мы вошли внутрь близ оси вращения, и нас тут же залили мощные потоки палящего, всепроникающего бело-голубого света. Мои глаза сразу заболели и начали слезиться.

Все советники Матки были механистами, поэтому внутренние помещения дворца кишмя кишели роботами. В отличие от людей, роботы продолжали равнодушно выполнять свои рутинные обязанности, ничуть не обращая внимания на тигра, хромированные поверхности которого невыносимо сверкали под безжалостными лучами ртутных ламп.

Стоило ненамного отойти от оси, как на нас начала наваливаться центробежная сила, и тигр со скрипом осел на свои массивные лапы. Стены вокруг были украшены причудливыми мозаичными панно и гобеленами с шитьем из драгоценных металлических нитей. Тигр не спеша шествовал вниз по широкому лестничному маршу. Гравитация нарастала; мой хребет начал громко похрустывать, и мне стоило все больших усилий держать спину прямо.

В помещениях в основном никого не было. Иногда на стенах, мимо которых мы проходили, попадались как бы случайные вкрапления драгоценных камней, друзы, сверкавшие порой ярче молний. Я обессилено приник к тигриной спине, уперев в нее локти; сердце мое тяжко бухало в груди. Все ниже и ниже по лестнице. Слезы теперь безостановочно бежали по лицу, попадая в рот; новое для меня и довольно противное ощущение. Руки непрерывно дрожали.

Кабинет координатора находился на периметре. Так он поддерживал должную форму, необходимую ему для аудиенций с Маткой. Тигр со скрипом миновал две массивные двери, рассчитанные на габариты Инвесторов.

В самом кабинете тоже все было рассчитано на их габариты. Потолки в два человеческих роста; люстра над головой изливала ослепительный купол света на два громадных кресла с высоченными спинками, в которых имелись расщелины – отверстия для хвостов... Рядом с креслами из пола пробивался довольно хилый, придавленный колоссальным тяготением фонтан, почти не дававший брызг.

Координатор сидел за рабочим столом, оборудованным сложной встроенной клавиатурой. Плечи его едва возвышались

над крышкой стола, а ноги в высоких сапогах болтались в воздухе, не доставая до пола. По экрану стоявшего рядом с ним монитора быстро бежали строчки последних биржевых сводок.

Похрюкивая от напряжения, я тяжело сполз со спины тигра и кое-как вскарабкался на сиденье большущего кресла. Изготовленное специально для жестких чешуйчатых задниц Инвесторов, сиденье было покрыто игольчатыми выступами, сидеть на которых было так же удобно, как на мотке колючей проволоки.

– Здесь есть солнечные очки, – сказал координатор. Он открыл огромный, похожий на пещеру ящик стола, нырнул в него по плечи, выудил оттуда пару защитных очков и швырнул ими в меня. Я не сумел их поймать, и они врезались мне в грудь.

Вытерев глаза, я надел очки и даже застонал от облегчения. Тигр распростерся у подножья моего трона, мурлыча что-то себе под нос.

– Первый раз во дворце? – спросил координатор. Я кивнул; это движение далось мне с большим трудом.

– В первый раз это ужасно. Да и потом ненамного лучше. И все же ничего другого нам не дано. Тебе придется хорошенько усвоить это, Ландау. Именно здесь находится точка пригожинского катализа Царицына Кластера.

– Философией интересоваться изволите?

– Разумеется. Не все же мы тут превратились в ископаемые окаменелости. Среди советников тоже имеются самые разные группировки. Это общеизвестно.

Координатор слегка оттолкнул кресло назад и встал на сиденье, с которого ловко перебрался на крышку стола. Усевшись на самом краю ко мне лицом, он снова принялся болтать ногами.

Он был приземистым, угловатым человеком с переразвитыми мускулами, позволявшими ему легко двигаться при такой силе тяжести, которая буквально сплющивала мое тело. Отвисшую кожу его лица избороздило множество старых рубцов и глубоких морщин. Его черная кожа тускло светилась под яркими лучами опаляющего света. Глазные яблоки производили впечатление изготовленных из хрупкой пластмассы...

– Я просмотрел все записи, сделанные псами, – сказал он, – и чувствую, что понял тебя, Ландау. Твои главные грехи – холодность и отстраненность. – Координатор вздохнул. – Но ты менее развращен, чем другие. Есть некий порог, предельно допустимый уровень греховности и цинизма, за которым уже не может существовать никакое общество... Послушай. Мне многое известно о шейперах. Совет Колец. Он вызван к жизни пеплом страха и коптящим пламенем стяжательства. Он черпает энергию

из инерции собственного грядущего коллапса. Но у цикад еще есть надежда. Ты жил здесь и мог наблюдать это, если даже был не в состоянии прочувствовать непосредственно. Ты должен был понять, насколько драгоценен этот город. Находясь под властью Матки, мы черпали жизненные силы из состояния нашего духа. Вера решает все; нет ничего более важного, чем доверие. – Координатор взглянул на меня, темная кожа его лица на глазах обвисала все сильнее. – Теперь я скажу тебе всю правду. А затем положусь на твою добрую волю, в надежде получить столь же правдивый ответ.

– Благодарю вас.

– ЦК в глубоком кризисе. Слухи о болезни Матки поставили биржу на порог коллапса. Но в настоящий момент это больше чем слухи, Ландау. Матка вот-вот может бежать из ЦК.

Ошеломленный услышанным, я осел в кресле, словно тряпичная кукла. У меня челюсть отвисла. Усилием воли я закрыл рот, громко клацнув зубами.

– Если биржа рухнет, – продолжил координатор, – это будет конец всему, что мы сейчас имеем. Новости распространяются быстро. Очень скоро волна требований о возвращении вкладов погребет под собой всю банковскую систему Царицына Кластера. Рухнет эта система – умрет ЦК.

– Но… – начал было я, запинаясь, – если это – дело рук самой Матки… – У меня окончательно перехватило дыхание.

– Это всегда дело рук Инвесторов, Ландау. Запомни. Так происходит всегда, с тех самых пор, как они впервые вмешались и превратили наши войны в постоянно действующий институт… Мы, механисты, поставили вас тогда в безвыходное положение. Мы правили всей системой, а вы прятались от нас в Кольцах, прозябали там, трясясь от страха. Только торговля с Инвесторами смогла снова поставить вас на ноги. На самом-то деле они умышленно помогли вам подняться так быстро, чтобы получить для себя здесь рынок, основанный на конкуренции механистов и шейперов, чтобы получить возможность столкнуть лбами разных представителей человеческой расы. И потом извлечь для себя из этой ситуации максимальную выгоду… Взгляни еще раз на ЦК, Ландау! Мы живем здесь в мире и согласии. Так могло бы быть повсюду, если б не Инвесторы.

– Правильно ли я вас понял: вы считаете, что вся история ЦК развивается по схеме, заложенной Инвесторами? Что на самом деле Матка никогда не была в опале?

– Они тоже не непогрешимы, – яростно сказал координатор, – и они тоже совершают ошибки. Я еще смогу спасти и биржу, и Царицын Кластер, если сумею использовать против них

собственную их жадность. Все могут решить твои самоцветы, Ландау. Твои самоцветы. Я имел возможность наблюдать реакцию Матки, когда этот ее чертов... лакей Уэллспринг преподнес ей твой дар. Да, ты научился понимать настроения Инвесторов. Ее буквально в узел скрутило от жадности. С твоего патента может начаться целая отрасль новой индустрии.

– Зря вы так насчет Уэллспринга, – сказал я. – Самоцвет – его идея. Я тогда работал с эндолитическим лишайником. «Если лишайники могут жить в обыкновенных камнях, проживут и в самоцветах!» – вот его буквальные слова. А я всего-навсего взял на себя грязную работу.

– Но патент оформлен на твое имя. – Координатор, не поднимая глаз, рассматривал носки своих высоких сапог. – Мне нужен катализатор. Если он у меня будет, я смогу спасти биржу. Я хочу, чтобы ты перевел свой патент с Ейте Дзайбацу на мое имя. На имя Народной Корпоративной Республики Царицын Кластер.

Я постарался быть тактичным:

– Положение действительно кажется отчаянным, координатор, но никто на бирже не хочет ее краха. Существуют могущественные силы, готовящиеся отразить удар. Поймите, пожалуйста: патент должен и дальше оставаться моим вовсе не потому, что я ищу личной выгоды. А потому, что я связал себя клятвой весь свой годовой доход переводить в фонд марсианского проекта.

Кислая гримаса перекосила лицо координатора, расширив и углубив расщелины его морщин. Он наклонился в мою сторону, его мощные плечи напряглись.

– Проект по созданию среды обитания, как же! Я знаком с так называемыми моральными аргументами. Мертвые абстракции импотентов от идеологии! А как насчет законопослушания? Долга? Лояльности? Или для вас это пустой звук?

– Не так все просто, – начал было я, – Уэллспринг...

– Уэллспринг! – заорал координатор. – Он даже не землянин, он просто ренегат, предатель, с потрохами продавшийся пришельцам, молокосос, которому едва перевалило за сто. Пришельцы боятся нас, пойми ты! Они страшатся нашей энергии. Они страшатся того, что, как только в наших руках окажутся средства межзвездных перелетов, мы сразу захватим их рынки. Это же очевидно, Ландау! Вот почему они хотят направить энергию человечества на Марс. Чтобы мы растратили ее на эту прекраснодушную чушь. А мы могли бы конкурировать с ними, могли бы подняться и рвануться к звездам одной всесокрушающей волной! – Он воздел руки вверх и замер,

пристально уставившись на кончики своих растопыренных пальцев.

Руки его начали трястись. Координатор сломался прямо на моих глазах. Он опустил руки, обхватил ими голову и стал тихонько покачивать ее, словно баюкая сам себя.

– Царицын Кластер мог бы оставаться великим городом. Ядро сплоченности и согласия, остров безопасности и надежды в море хаоса. А Инвесторы намерены ее разрушить. Когда рушится биржа, когда Царица изменяет своему долгу, тогда всему приходит конец.

– Она действительно собирается нас оставить?

– Кто может судить о ее намерениях? – Координатор выглядел совершенно опустошенным. – Семьдесят лет я страдал от ее причуд, сносил унижения. А теперь мне на все наплевать. Ну почему я должен позорить свои седины, пытаясь склеить осколки былого величия при помощи твоих идиотских финтифлюшек? В конце концов, в моем распоряжении всегда есть приват!

Он с ненавистью взглянул на меня.

– Вот до чего ты нас довел. Теперь они всю нашу кровь высосут!

Он спрыгнул со стола, в два шага добрался до моего кресла, сграбастал меня за воротник и поднял в воздух. Тщетно я пытался ему помешать, слабо цепляясь за его запястья. Он принялся меня яростно трясти; мои руки и ноги нелепо болтались, как у тряпичной куклы. Тигр издал несколько клацающих звуков и подобрался к нам поближе.

– Я ненавижу тебя! – ревел координатор. – Я ненавижу все, что с тобой связано! Меня тошнит от вашей лиги, от вашей гнилой философии, от ваших сладких и тупых улыбочек! Смута, затеянная вами, стоила жизни хорошему человеку!

Наконец он презрительно отбросил меня в сторону, словно измятый клочок использованной туалетной бумаги. Падая, я с глухим стуком врезался головой в покрытый ковром пол.

– Убирайся! – рявкнул он. – Вон из ЦК! Если через сорок восемь часов ты еще будешь здесь, я арестую тебя и продам тому, кто предложит самую высокую дену.

Пока тигр помогал мне подняться на ноги и забраться ему на спину, координатор вскарабкался на громадный свой стул и снова уставился на экран с последними известиями с биржи.

– Измена, – тихо и бессильно пробормотал он, – кругом измена.

Тигр вынес меня из кабинета.

После долгих поисков я нашел Уэллспринга в догтауне. Это

был беспорядочно застроенный пригород, медленно вращавшийся вокруг своей оси неподалеку от ЦК. Здесь находились космодром и таможня, спутанный клубок космических верфей и автономные контейнерные склады, карантинные помещения и различные заведения, чьей единственной целью было ублажение самых невероятных пороков.

В догтаун приходили тогда, когда идти было больше некуда. Он кишел бродягами и темными личностями: старателями, пиратами, преступниками всех мастей, бывшими членами распавшихся сект, чьи нововведения оказались никому не нужны, банкротами и поставщиками рискованных удовольствий. Как следствие, этот пригород был нашпигован псами и скрытыми видеокамерами. Догтаун считался местом, насквозь пропитанным беспорядочной, жульнической и злой энергией. Местом, опасным по определению. Здесь все и вся находилось под непрерывным придирчивым надзором, отчего чувство стыда у местных обитателей атрофировалось полностью.

Я обнаружил Уэллспринга в пузыре, прикрывавшем придорожный бар. Он обсуждал какую-то запутанную сделку с человеком, которого представил мне очень коротко: «Модем».

Этот Модем оказался членом маленькой, но весьма могущественной механистской секты, известной в ЦК под названием «Омары». Омары существовали исключительно внутри приживляемых к коже оболочек, представлявших из себя автономные системы жизнеобеспечения, утыканные снаружи входными и выходными разъемами, манипуляторами и разнообразными двигателями. Эти своеобразные скафандры были тускло-черного цвета, лицевые стекла отсутствовали. Поэтому омары выглядели словно ожившие сгустки черной потусторонней тени.

Я пожал протянутую мне шершавую тяжелую перчатку Модема и уселся, пристегнувшись к столу, после чего торопливо отодрал от клейкой поверхности стола грушу с выпивкой, надавил на нее и сделал приличный глоток.

– У меня крупные неприятности, – сказал я. – Мы можем при этом человеке говорить откровенно?

Уэллспринг рассмеялся:

– Ты что, шутишь? Это же догтаун! Здесь повсюду понатыкано больше записывающих устройств, чем зубов у тебя во рту, мой юный Ландау! Кроме того, Модем – мой старинный друг. А некоторые необычные возможности его зрения могут оказать нам неоценимую услугу.

– Отлично. – Я принялся объяснять суть дела. Уэллспринг остановил меня и потребовал подробностей. Я начал снова,

стараясь не упустить ни одной, самой мельчайшей детали.

– Да-а, дела, – сказал Уэллспринг, когда я кончил. – Держись за свои мониторы, Модем. Сейчас ты увидишь, как слухи перекроют скорость света. Странно, что именно это маленькое бистро станет источником таких новостей, которые всего через пару суток не оставят от ЦК камня на камне. – Он произнес эти слова довольно громко и оглянулся, окинув помещение бара быстрым взглядом. Все клиенты заведения смотрели на нас с отвисшими челюстями; в их открытых ртах дрожали маленькие шарики слюны.

– Значит, Матка отчалила, – все так же громко продолжал Уэллспринг. – И, наверное, уже довольно давно. Что ж, слезами горю не поможешь. Даже жадность Инвесторов, оказывается, имеет свои пределы. Не могли же советники водить Матку за нос до бесконечности. Должно быть, вскоре она объявится где-нибудь еще, найдя себе другое обиталище, больше соответствующее ее эмоциональным запросам. Самое лучшее, что я могу сейчас сделать, – так это вернуться к своим монитором и попытаться свести к минимуму свои убытки, пока биржа не потеряла всякий смысл, – добавил он, но не сдвинулся с места.

Закончив свой спич, Уэллспринг раздвинул ленточки на разрезном рукаве и бросил небрежный взгляд на наручный компьютер. Бар пустел с невероятной быстротой; удирали даже завсегдатаи, влекомые персональными псами. У дверей вспыхнула дикая рукопашная схватка между двумя шейперами-ренегатами, демонстрировавшими самые страшные приемы космического джиу-джитсу. Их псы в драку не вмешивались, равнодушно наблюдая за происходящим.

Очень скоро в баре уже не было никого, кроме нас троих, робофициантов да полудюжины любопытствующих псов.

– Сразу же после моей последней аудиенции у Матки я мог бы побиться об заклад, что она вскоре нас покинет, – спокойно сказал Уэллспринг. – Так или иначе, но Царицын Кластер пережил сам себя и стал бесполезным. Срок, отпущенный ему, истек. Он сыграл свою роль эмоционального катализатора, который вплотную подвел Марс к третьему пригожинскому уровню сложности, после чего, под грузом проводимых советниками бессмысленных программ, ЦК разбил неизбежный паралич. Типичная близорукость, свойственная мехам. Псевдопрагматический материализм. Ну что ж, за что боролись, на то и напоролись.

Подавая робофициантy знак к следующей перемене блюд, Уэллспринг продемонстрировал нам краешек расшитой золотыми нитями нижней манжеты.

– Ты говорил, что советнику пришлось отправиться прямиком в приват? Жаль. Но он – не первый и не последний из тех, кого затопчут в этой свалке.

– Мне-то что делать? – напомнил я о себе. – Ведь я потерял все. И что теперь станет с лигой?

Уэллспринг нахмурился.

– Действуй, Ландау! – сказал он. – Покажи себя. Пришло время не на словах, а на деле проявить постгуманистическую изменчивость форм. Сейчас тебе необходимо унести ноги прежде, чем тебя арестуют и выставят на продажу. Думаю, как раз здесь окажется очень кстати помощь нашего друга Модема.

– Она к вашим услугам! – торжественно объявил Модем. Датчики вокодера были подсоединены прямо к его голосовым связкам, и это устройство синтезировало удивительно красивый, но совершенно нечеловеческий голос. – Наш корабль «Проходная Пешка» послезавтра уходит к Совету Колец с грузом маршевых двигателей для транспортировки лестероида. Проект по созданию среды обитания. Другу Уэллспринга мы будем рады.

Я не смог удержаться от истерического смеха:

– Предлагаете сменить шило на мыло? Вернуться на Кольца? Тогда лучше уж мне перерезать себе глотку прямо за этим столом! Куда будет меньше хлопот.

– Не стоит так кипятиться. Пройдешь небольшую операцию: мы подсоединим тебя к одной из наших оболочек, – успокоил меня Модем. – Один омар как две капли воды похож на другого. Под нашей оболочкой ты в полной безопасности где угодно. Если сумеешь держать язык за зубами.

– Ты предлагаешь мне стать мехом? – Я был страшно шокирован.

– Настоящим мехом ты не станешь, – сказал Уэллспринг. – Все равно не получится. А так... Всего-навсего несколько переключении концевых нервов, трахеотомия плюс немного анальной хирургии... Правда, ты потеряешь обоняние, вкус и осязание, зато приобретешь другие органы чувств, охватывающие такой диапазон ощущений, который тебе и не снился.

– Вот именно! – провозгласил Модем. – Ты спокойно ступишь в открытый космос и будешь смеяться!

– Он прав! – воскликнул Уэллспринг. – Шейперы должны гораздо шире пользоваться техникой мехов. Ты куда лучше поймешь свои лишайники, Ганс. Небольшой симбиоз, а? Это расширит твой кругозор.

– Но вы же не полезете мне под череп? – нерешительно спросил я.

– Нет, – небрежно бросил Модем. – Во всяком случае, не

должны. Твои мозги останутся при тебе.

Я ненадолго задумался.

– А вы сможете уложиться, – я бросил взгляд на часы Уэллспринга, – в тридцать восемь часов?

– Придется поторопиться, – спокойно ответил Модем, отстегиваясь от стола.

Я сделал то же самое.

«Проходная Пешка» отправилась в путь. Во время стартового ускорения моя оболочка была намертво прикреплена к одной из несущих конструкций корабля. Перед стартом я установил зрение на стандартный волновой диапазон, чтобы в нормальном свете увидеть, как начнет проваливаться вниз мой Царицын Кластер.

Слезы обжигали свежие шрамы моих мертвых глазных яблок на тех местах, куда были вживлены тончайшие проволочки. Царицын Кластер медленно вращался, издали напоминая галактику, опутанную паутиной из драгоценных нитей с нанизанными на них самоцветами. То тут, то там по нитям паутины пробегали яркие вспышки: пригороды уже начали утомительную и скорбную работу, освобождаясь от пут, связывавших их друг с другом и с центром. Царицын Кластер агонизировал и корчился в тисках ужаса.

Я тосковал по уютному домашнему теплу моей лиги, ведь залезть в раковину – еще не значит стать омаром. Они мне оставались по-прежнему чуждыми, эти черные демоны, пригорошня песчинок в галактической ночи, человеческая протоплазма в тусклых панцирях, забывшая о своем происхождении.

«Проходная Пешка» напоминала обычный корабль, вывернутый наизнанку. Ее металлический каркас, к балкам которого, словно гниды, лепились омары, окружал со всех сторон ядро корабля – могучие магнитные реакторы. Неутомимые автоматы бесперебойно кормили эти реакторы горючим. Там и здесь к каркасу крепились купола, где омары могли подключаться к своим странным жидкостным компьютерам и куда они прятались во время солнечных бурь.

Они передвигались по кораблю, скользя вдоль наведенных магнитных полей. Они никогда не ели. Они никогда не пили. Каждые пять лет они, словно змеи, «меняли кожу», подвергая свою оболочку очистке от гнусно воняющей накипи разнообразных бактерий, в великом множестве разводившихся в ровном влажном тепле под этой оболочкой.

Они не знали страха. Они были самодовольными анархистами. Самым большим удовольствием для них было

сидеть, приклеившись к каркасу корабля, устремив свои многократно усиленные и обостренные чувства в глубины космоса, наблюдая звезды в ультрафиолетовом или инфракрасном диапазонах или следя за тем, как ползут по поверхности Солнца солнечные пятна. Они могли подолгу просто ничего не делать, часами впитывая сквозь свою оболочку солнечную энергию, прислушиваясь к музыкальному тиканью пульсаров или к звенящим песням радиационных поясов.

В них не было ничего злого, но не было и ничего человеческого. Далекие и ледяные, словно кометы, они казались порождением самого вакуума. Мне казалось, что в них можно предугадать первые признаки пятого пригожинского скачка, за которым лежит пятый уровень сложности, отстоящий от человеческого интеллекта еще дальше, чем интеллект отстоит от амеб, размножающихся простым делением, дальше, чем жизнь отстоит от косной материи.

Иногда они пугали меня. Их вежливое безразличие к человеческим условностям придавало им какое-то мрачное обаяние.

Вдоль фермы бесшумно скользнул Модем, остановился рядом со мной и включил магнитные присоски. Я подключил слух; перекрывая радиошумы работающих двигателей, прямо в моем мозгу послышался его голос:

– Тебя вызывают из ЦК, Ландау. Следуй за мной.

Я заскользил вдоль перил за ним следом. Мы прошли сквозь шлюз одного из стальных куполов, оставив дверь открытой: омары не выносили замкнутых пространств.

На экране передо мной появилось заплаканное лицо Валерии Корстштадт.

– Валерия! – воскликнул я.

– Это ты, Ганс?

– Да, дорогая. Да, это я. Очень рад тебя видеть.

– Сними маску, Ганс. Я хочу увидеть твое лицо.

– Это не маска, дорогая. А мое лицо, боюсь, выглядит сейчас далеко не самым лучшим образом.

– Твой голос звучит как-то странно, Ганс. Совсем не так, как раньше.

– Потому что это не мой голос, а синтезированный радиоаналог.

– Как же мне тогда убедиться, что я говорю именно с тобой? Боже, Ганс... Я так боюсь. Здесь все... все рушится на глазах. Во Фроте – страшная паника. Кто-то – скорее всего псы – перебил в твоем доме все кюветы с агар-агаром, и твои проклятые лишайники расползлись повсюду. Они растут так быстро!

– Они и должны расти быстро, Валерия. Это их главное достоинство. Для того я и выводил новые виды. Пусть их опрыскают металлическим аэрозолем или опылят какими-нибудь производными серы, и через несколько часов с ними будет покончено. Нет никаких причин для паники.

– Как это нет, Ганс. Здесь – эпидемия самоубийств. Приваты превратились в настоящие фабрики по производству трупов. Царицына Кластера больше не существует. И мы потеряли Матку!

– Но остался наш проект! – возразил я. – А Матка сыграла свою роль, роль пригожинского катализатора. Проект, он куда важнее, чем эта чертова королева. Сейчас наступил решающий момент. Пусть члены лиги ликвидируют все свое имущество. Надо немедленно переводить флот на орбиту вокруг Марса!

– Проект! – горько воскликнула Валерия. – Кроме него, тебя ничто не беспокоит! Я погибаю здесь, а ты, с твоим холодом, с твоей шейперской привычкой соблюдать дистанцию, оставил меня один на один с моим отчаянием!

– Валерия, вовсе нет! Я десятки раз пытался поговорить с тобой, но именно ты отгородилась от меня стеной молчания. От меня, который так нуждался в твоем тепле после лет, проведенных под псами...

– Ты давно мог поговорить со мной, если бы хотел этого по-настоящему, – закричала она. – Если бы ты хотел, то давно сломал бы стену молчания. Но ты ждал, пока я сама приползу к тебе, виляя хвостом от унижения. А сейчас? Телекамеры псов или черные панцири омаров, какая разница, Ганс? Какая разница, что именно нас разделяет?

Я почувствовал, как по моей онемевшей коже растекается горячая волна бешенства.

– И ты еще смеешь в чем-то меня упрекать! – воскликнул я. – Откуда мне было знать о существовании всех этих ваших нелепых ритуалов, ваших пошлых маленьких тайн! Я думал, ты отбросила меня в сторону, как использованный грязный носовой платок, и глумливо смеешься надо мной, очередной раз предаваясь разврату с Уэллспрингом. Неужели ты всерьез считала, что я вступлю из-за тебя в схватку с человеком, которому обязан своим спасением? А ведь я был готов вскрыть себе вены, лишь бы лишний раз увидеть твою улыбку. Ты же не принесла мне ничего, кроме несчастий и горя!

Валерия смертельно побледнела. Ее губы шевелились, но она не могла произнести ни единого слова. Затем по ее лицу скользнула странная, полная отчаяния улыбка...

Связь прервалась. Я стоял перед мертвым, пустым и черным экраном.

– Мне надо вернуться, – сказал я, повернувшись к Модему.

– Очень жаль, – ответил он, – но это невозможно. Во-первых, если ты вернешься, тебя просто-напросто убьют. Потом, у нас не хватит энергии для такого маневра. Мы везем слишком массивный груз. – Он пожал плечами. – И последнее – ЦК сейчас в состоянии разложения и распада. Но туда в течение, недели должны прилететь наши коллеги со вторым грузом двигателей. Раз Царицыну Кластеру пришел конец, они смогут получить за свой товар максимальную цену.

– Откуда тебе известны такие подробности?

– У нас есть свои источники информации.

– Уэллспринг?

– Кто, он? Его там уже нет. Он хотел быть на орбите Марса, когда туда врежется вот это. – Модем повел рукой в сторону плоскости эклиптики. Я проследил его движение взглядом, настроив свое зрение на видимый диапазон, и увидел там, куда он показывал, далекие вспышки пламени, проблески огня, вырывавшегося из дюз мощных двигателей.

– Лестероид, – сказал я.

– Да. Комета, предвещающая, так сказать, несчастья и беды. Прекрасный символ, олицетворяющий все, что происходит сейчас в Царицыном Кластере.

Даже здесь чувствовалась рука Уэллспринга. Когда эта ледяная гора пройдет мимо Царицына Кластера, тысячи охваченных отчаянием людей будут провожать ее глазами. Вдруг я почувствовал, как меня поднимает ввысь на своих крыльях надежда.

– Как насчет того, чтобы высадить меня туда? – спросил я.

– На лестероид? – догадался Модем.

– Да. С него ведь должны в последний момент снять двигатели, верно? Уже на орбите Марса. Там я смогу присоединиться к моим друзьям и не пропущу великий момент пригожинского катализа!

– Сейчас проверю. – Модем повернулся к жидкостному компьютеру и ввел в него длинный ряд чисел. – Так... – сказал он спустя минуту. – Да. Это возможно. Я могу продать тебе маленький ранцевый двигатель. С помощью киберштурмана ты можешь попасть на лестероид примерно через семьдесят два часа.

– Прекрасно! – воскликнул я. – Великолепно! Начнем это прямо сейчас.

– Очень хорошо, – спокойно сказал Модем. – Осталось лишь подумать о цене.

У меня оказалось достаточно времени, чтобы подумать о цене; пока ранцевый двигатель нес меня сквозь зияющую пустоту.

Думаю, я принял единственно верное решение. Биржа ЦК приказала долго жить, поэтому мне все равно были нужны новые коммерческие агенты для реализации моих камней с Ейте Дзайбацу. Конечно, омары – жутковатые создания, этого у них не отнимешь. Но я интуитивно чувствовал, что могу им доверять.

Киберштурман обеспечил мне спокойную мягкую посадку на солнечной стороне астероида, который слегка подтаивал под лучами Солнца. Легкие, но хорошо заметные в инфракрасном диапазоне струйки пара то здесь, то там вырывались из трещин в голубом льду.

Лестероид представлял собой обломок, образовавшийся некогда в результате распада одной из древних ледяных лун Сатурна. То была громадная ледяная гора, покрытая застарелыми шрамами зазубренных по краям расщелин. Она напоминала формой гигантское яйцо, размерами три на пять километров. Его поверхность, покрытая оспинами небольших ямок, была ярко-голубой – характерный вид для льда, миллионы лет находившегося под воздействием мощных электрических полей.

Я выпустил шипы из своих перчаток и, цепляясь ими за ледяную поверхность, перетащил свой ранцевый двигатель в тень. Энергетические ресурсы двигателя были почти полностью истощены, но мне все же не хотелось, чтобы вырывающиеся из расщелин струи пара унесли его в открытый космос.

Затем я раскрыл тарелку – антенну, проданную мне Модемом, – сориентировал ее в сторону ЦК и подключился к ней.

Катастрофа, постигшая ЦК, была поистине тотальной. Царицын Кластер всегда гордился свободой своего радио-и телевещания, важнейшей составной частью присущего ему общего духа всеобъемлющих свобод. Теперь же, и атмосфере общей паники, это вещание выродилось в потоки туманных завуалированных угроз, и, что самое плохое, по всему диапазону то там, то здесь вспыхивала предательская захлебывающаяся морзянка закодированных сообщений.

Крещендо посулов и угроз нарастало подобно лавине, пока наиболее могущественные группировки сами себя не подвели к краю обрыва, за которым начиналась гражданская война. Коридоры пригородов и туннели дорог кишели мародерствующими псами, слепо выполнявшими приказы обезумевшей от страха элиты. Насквозь порочные марионеточные суды раздавали направо и налево жесточайшие приговоры, лишая всех несогласных их статуса, имущества, а зачастую – и жизни. Не дожидаясь очередного неправедного вердикта, многие из диссидентов сами оканчивали свой путь в приватах.

Никакие детские учреждения не работали. С неподвижными

лицами и застывшими глазами, дети бесцельно скитались по опустевшим холлам, оглушая себя мощными супрессантами. От неумеренного потребления ингалянтов-допингов биржевики, харкая кровью, обессилено падали на клавиатуру своих компьютеров. Женщины голыми выбрасывались из воздушных шлюзов, испуская свой последний выдох в виде сверкающей на солнце струи кристаллов замороженного воздуха. Остальные цикады либо проливали у себя дома слезы над навсегда утраченным благоденствием, либо, отупев от отчаяния и наркотиков, бессмысленно гуртовались в неосвещенных бистро.

Многовековая борьба за место под солнцем отточила волчьи зубы картелей до неимоверной остроты. И теперь они рвали этими зубами на части агонизирующее тело ЦК. Рвали с холодной кибернетической отточенностью механистов, со скользким, не признающим никаких моральных ограничений коварством шейперов. Промышленность ЦК подверглась захвату и дикому разграблению. Коммерческие агенты и надменные дипломаты, соперничая друг с другом, выхватывали друг у друга ее сочащиеся живой кровью, теплые, дымящиеся куски. Толпы нанятых ими ко всему безразличных людей наводнили дворец Царицы, гадя по углам и бессмысленно разрушая все, что нельзя было украсть.

Сцепившиеся в дикой схватке фракции ЦК угодили в классический двойной капкан, в ловушку, уже давно угрожавшую человечеству. С одной стороны, намертво увязанный с последними техническими достижениями образ жизни и мыслей неуклонно подталкивал общество к взаимному недоверию и распаду. С другой стороны, разобщенность и самоизоляция сделали все эти фракции легкой добычей мощных, объединенных в монолит картелей. Вдобавок повсюду свирепствовали пираты и приватеры. Картели на словах осыпали их проклятиями, а на деле – поддерживали.

А я? Я, вместо того чтобы помогать моей родной Полиуглеродной лиге, был сейчас всего лишь исчезающе малой черной точкой в пространстве, тускло-черной спорой, прилепившейся к обрыву несущейся в пустоте ледяной горы.

Но именно эти скорбные дни помогли мне познать истинную цену моей новой оболочки. Если и дальше все пойдет так, как предусмотрено Уэллспрингом, не за горами новые возрождение и расцвет. А мне было суждено пережить тяжелые времена в моей спороподобной оболочке, уподобившись высохшему, гонимому ветром маленькому клочку лишайника. Клочку, который с легкостью может провести в таком состоянии долгие десятилетия, чтобы, попав в более благоприятные условия, вспыхнуть в один

прекрасный день цветущей волной всепобеждающей жизни. Да, Уэллспринг проявил присущую ему мудрость, обеспечив меня такой оболочкой. Я всецело ему теперь доверял. И я не мог обмануть его ожидания.

Меня одолевала скука; я мало-помалу погрузился в медитативный ступор. Мои чувства, зрение и слух простерлись далеко за пределы возможного, мое сознание растворилось в себе самом и я оказался в ревущем предсуществовании пригожинского горизонта событий. Пространство-время, второй уровень сложности, заявляло о себе скулящим воем далеких звезд, раскатистым ропотом планет, треском и шипением разворачивающегося Солнца.

Прошло немало времени, прежде чем меня вновь пробудили к жизни космическая пустота и безысходность вечной симфонии Марса. Тогда я отключил усилители своей оболочки.

Они были мне больше не нужны.

Я направился к южной оконечности астероида, где, по моим расчетам, должна была высадиться команда, посланная для демонтажа двигателей. Автономная киберсистема уже переориентировала ледяную гору, подготовив ее к частичному торможению, поэтому именно с южной оконечности теперь открывался самый хороший вид на древнюю планету.

Не успели стихнуть последние толчки тормозных дюз, как на ледяную гору тихо опустился пиратский корабль. Это было изящное и прекрасное судно шейперов, с широко раскинутыми крыльями солнечных парусов из тончайшей, переливающейся всеми цветами радуги пленки. Сверкающий корпус из органометалла скрывал под собой мощнейшие магнитные реакторы восьмого поколения, позволявшие кораблю развивать фантастическую скорость. Торчащие из бортов тупые дула оружейных киберсистем лишь подчеркивали стремительную плавность его обводов.

Я бросился в укрытие, стараясь как можно глубже вжаться в оказавшуюся поблизости ледяную трещину, чтобы не быть обнаруженным корабельным радаром. Я ждал долго, потом любопытство пересилило страх, я выбрался наружу и пополз вдоль зазубренной кромки льда, пока не нашел себе удобную для наблюдения точку.

Корабль стоял, балансируя на тонких подпружиненных манипуляторах, напоминавших коленчатые ноги богомола; когти манипуляторов глубоко вонзились в голубой лед. С корабля высыпала толпа роботов, которая теперь вгрызалась в поверхность ровного, как стол, плато.

Я никогда не боялся роботов и смело устремился по льду в их

сторону, чтобы поближе понаблюдать за их странными манипуляциями. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Я смотрел, как неуклюжие автоматы ковыряют и дробят лед. На глубине десяти метров они наткнулись на тускло сияющую металлическую плиту.

То был воздушный шлюз.

Роботы остановились. Они ждали. Время шло, но никаких приказов не поступало. Их программа кончилась, они припали к поверхности астероида, отключили свои системы и замерли неподвижно, такие же мертвые, как окружавшие меня глыбы льда.

На всякий случай я решил сперва осмотреть корабль. Как только открылся шлюз, корабль ожил, заработали системы жизнеобеспечения. Я прошел в рубку. Кресло пилота пустовало.

Кроме меня, на борту не было ни души.

Почти два часа ушло, пока я разобрался в хитросплетениях бортовых киберсистем. Когда все было кончено, я окончательно убедился в том, что подозревал с самого начала. Это был корабль Уэллспринга.

Выбравшись наружу, я подполз по льду к плите воздушного шлюза. Люк открылся мгновенно. Уэллспринг не любил усложнять вещи без крайней необходимости.

За второй крышкой шлюза скрывалось помещение, залитое ослепительным бело-голубым светом. Я подкорректировал электронные системы моего зрения и прополз дальше.

В дальнем конце помещения стояло ложе из драгоценных камней. Собственно, это даже была не кровать в обычном понимании этого слова, просто беспорядочно наваленная рыхлая груда самоцветов.

На вершине груды спала Царица.

Я переключил диапазон зрения. От Матки не исходило никакого инфракрасного излучения. Она лежала совершенно неподвижно; ее руки, скрещенные на груди, судорожно сжимали какой-то предмет; трехпалые ноги были вытянуты; массивный хвост свернут в кольцо и уложен между ног. Ее громадная голова, размером с торс взрослого мужчины, была прикрыта напоминавшим корону шлемом, инкрустированным сверкающими бриллиантами. Она не дышала, глаза ее были закрыты; за толстыми, слегка приоткрытыми чешуйчатыми губами виднелось два ряда крючкообразных желтоватых зубов, Она была холодна как лед и погружена в свойственный пришельцам криогенный сон. Только теперь мне стал до конца ясен хитроумный замысел Уэллспринга. Матка сама, сознательно и добровольно принимала участие в своем похищении.

Уэллспринг дерзко и бесстрашно проделал этот трюк, чтобы обвести вокруг пальца своих соперников и начать все заново на орбите Марса. Поразительная по своей смелости попытка поставить всех перед свершившимся фактом, которая, обернись она удачей, дала бы ему и его адептам поистине неограниченную власть.

Я стоял в немом восхищении, пораженный грандиозностью его планов. Одно оставалось мне непонятным: почему его самого не оказалось на корабле. Без сомнения, где-то на судне находились медикаменты, способные пробудить Матку и вдохновить ее на создание нового Кластера.

Я подошел ближе. Никогда раньше мне не приходилось сталкиваться с Инвесторами лицом к лицу.

И все же спустя несколько мгновений я понял: что-то неладно. Сперва мне показалось, что виной всему игра света и тени, но затем я как следует разглядел то, что Матка сжимала в своих руках.

То был мой самоцвет с лишайником. Стиснутый с чудовищной силой ее клешнеобразными лапами, камень дал скол вдоль одной из граней. Освобожденный из своей тюрьмы, пришпоренный адским сиянием неземного освещения, лишайник тронулся в рост, расчищая себе дорогу кислотами, выделяемыми из его корней. Он вскарабкался по чешуйчатым пальцам Матки, оплел ее запястья, взорвался в пароксизме размножения и уже покрыл все тело Царицы. Она буквально сияла зеленью и золотом жадно пожиравшей все, бурлящей от жизненных сил, пушистой накипи. Этой участи не минули даже ее губы. Даже глаза.

Постояв еще немного, я снова отправился на корабль. О нас, шейперах, всегда говорят, что только в ситуациях по-настоящему стрессовых мы можем показать все, на что способны. Я вновь активировал роботов и приказал им заделать дыру во льду. Они быстро набили ее ледяными обломками, которые затем сплавили в монолит при помощи остатков энергии из моего ранцевого двигателя.

Я действовал лихорадочно, подчиняясь только своей интуиции. Но мой опыт давно научил меня доверяться ей в трудную минуту. Именно поэтому я поборол отвращение, раздел Царицу и погрузил на корабль все ее драгоценности, до последнего камешка. Уверенность, с которой я действовал, лежала за пределами обычной логики. Будущее было распростерто передо мной, словно тело прекрасной женщины, полудремлющей в сладкой истоме в ожидании объятий любовника.

Все записи Уэллспринга теперь принадлежали мне. Этот

корабль был его святая святых, последним убежищем, хранимым на непредвиденный случай. Я до конца понял его чувства, и теперь они тоже стали моими.

Его мертвая рука взяла за шиворот представителей всех существовавших в Царицыном Кластере группировок и фракций и заставила их стать свидетелями пригожинского скачка. На орбите вокруг Марса уже находился новый протокластер, созданный и управляемый автоматами. Находившимся там наблюдателям пришлось беспрекословно мне подчиниться, ведь автоматы управлялись с моего корабля.

Затем к Марсу стали прибывать первые, охваченные паникой беженцы. От них-то я и узнал, какой конец был уготован Уэллспрингу самой судьбой. Вслед за обескровленным трупом Валерии Корстштадт, Уэллспринг ногами вперед покинул один из приватов Фрота. Никогда уже не суждено Валерии воздействовать на других мощью своего обаяния; никогда ее харизма уже не подчинит себе вновь членов нашей лиги. Возможно, то было двойное самоубийство. Возможно. Но, скорее всего, Валерия сперва убила Уэллспринга, а уже потом покончила с собой. Уэллспринг никогда не верил в то, что есть хоть что-нибудь, с чем ему не удастся справиться. Вызов, брошенный им безумной женщине и бессмысленному миру, был частью этой веры. Но и для него был установлен предел. Он перешел этот предел и умер. А детали, навсегда сохраненные в тайне молчаливым приватом, не играли здесь ровным счетом никакой роли.

Когда я узнал эти новости, ледяной панцирь вокруг моего сердца сомкнулся раз и навсегда. Отныне и навеки.

Когда лестероид начал свой последний путь, вонзившись в хилую марсианскую атмосферу, я включил передатчики корабля. В эфире зазвучало завещание Уэллспринга.

Это завещание было чистой фикцией. Я состряпал его, имея в своем распоряжении записанные на пленку дневники. И уж проще простого оказалось изменить свой синтезированный голос, подделать его так, чтобы он стал неотличимым от голоса Уэллспринга. Так было необходимо. Я должен был обеспечить будущее МК, Марсианского Кластера, а потому во всеуслышание объявил себя единственным наследником Уэллспринга.

Власть и могущество сами концентрировались вокруг меня, попутно обрастая самыми невероятными слухами. Говорили, что под тусклой черной оболочкой скрывается не кто иной, как сам Уэллспринг, а Ландау, подлинный Ганс Ландау, был тем самым человеком, который принял смерть вместе с Валерией Корстштадт.

Я поддерживал эти слухи. Такие легенды и мифы еще крепче

объединяли Кластер. Я знал, что МК станет великой столицей, где не будет места соперничеству. Наконец абстракции начали облекаться в плоть и кровь, оживали прекрасные фантомы. МК суждено было безостановочно набирать силу. Одни только мои самоцветы служили таким надежным фундаментом для его процветания, что этому могло только позавидовать большинство картелей.

Понять – значит простить. Я простил Уэллспринга. Его ложь, его хитрость, его обманы сослужили мне куда лучшую службу, чем могла бы сослужить химера так называемой «правды». Помните? Если нам нужна точка опоры, мы должны встать в центр и найти ее в том, что нас окружает.

Я помню ту, леденящую кровь, завораживающую красоту первого столкновения. Непреклонную прямолинейность последнего полета ледяной горы. Первый лестероид был одним из многих. Но он был первым! Только тогда, когда я увидел молочно-белый всплеск на месте его встречи с поверхностью Марса, оргазмически содрогающийся фонтан пара, в который превратилась ледяная усыпальница Матки, только тогда я до конца понял то, что всегда знал мой учитель. Человек, движимый великой целью, может все. И ничего не боится. Совсем ничего.

Скрываясь под своими черными доспехами, я железной рукой правлю Полиуглеродной лигой. Члены лиги, входящие в ее элиту, стали моими советниками. Да, я помню о холоде. Но я не боюсь его больше. Мой страх перед холодом остался в прошлом. Он похоронен в нем, как похоронен теперь холод Марса под ковром бушующей зелени. Мы вдвоем, я и Уэллспринг, вырвали целую планету из объятий смерти. Теперь я остался один. Но я не боюсь холода.

Ни капельки не боюсь.